

СЕЗОН В РАЗГАРЕ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 16 (1738) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 10 ИЮНЯ 1964

— Снимай только крупный план!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ПАВЛОДАРСКИЕ КСЕРКСЫ

На школьных уроках истории в голову западает кому что. Кому — не очень тепло одетая богиня, кому — галилеевское: «А все-таки она вертится!»

Мальчик же по фамилии Малый больше всего упивался подвигом Ксеркса. Царю очень хотелось поплыть за море и немножко поковырять мечом тамошних жителей. Как известно, море в этот самый важный момент допустило шторм и помешало плаванию. Это было не что иное, как критика морем царских планов. И Ксеркс приказал солдатам выдрать критиканствующее море плетью.

Море — плетью! Это было заманчиво! К моменту, когда мальчик из просто Малого превратился в тов. Г. И. Малого, директора совхоза «Заря», он решил выдрать районную газету «Нива». Газета, как и море в отношении Ксеркса, допускала критику в адрес совхоза.

В редакции газеты «Нива» работали люди — не звери. Они не терзали фельетонами безвинных, старались воздавать добром за добро. И не знали, какая гроза уготована им.

Г. И. Малый допустил приписки. Дойных первотелок он зачислил в нетели, чтобы повысилась цифра надоя на каждую пожилую буренку.

Доярки совхоза «Заря» написали об этом в газету. Газета напечатала письмо.

Это была колючая и едкая заметка. А спустя некоторое время ворвалась на газетную полосу и еще одна новость:

Силос из тракторов!

В совхозе «Заря» бульдозером спихнули в яму два старых трактора и похоронили. В газете был и снимок, иллюстрирующий эти похороны.

Г. И. Малый не забыл еще первой обиды, с коровами. И вот опять! Гроздь гнева в душе директора созрели. Он вошел в дом Павлодарского управления производства и заготовок, явился в партгосконтроль к тов. А. И. Баланде.

— Анатолий Иванович, — сказал он жестко. — Я человек простой и живу по правде. Вот в газете пишут про тракторы, а это клевета. Жизни нет, одна критика! Приезжай, проверь.

Сколько было трудов! Тракторы спешно вытаскивали из ямы и воскрешали, чтобы ревизоры партгосконтроля не нашли их и приструнили газету за клевету.

А все напрасно. Обман всплыл. Чужими руками отстегать газету не удалось. Оставались только свои. Г. И. Малый сел за стол и этими руками написал в газету: «Факты подтвердились. Меры будут приняты». Он представил себе, как обрадуются эти газетчики, когда прочтут, что «меры будут приняты». И представил себе, как они содрогнутся, узнав, что это за меры. Директор решил пресекать критиканов, сечь.

А вскоре выяснилось, что не один Г. И. Малый был очарован подвигом Ксеркса.

Когда корреспондент «Нивы» Виктор Ершов прибыл в совхоз «Шакат»,

небо было синее. Жаворонки висели над полем, как на ниточках. Пахло беш-бармаком и сурпой. Вдоль по улице скакали на палочках дети.

— Корреспондент? — спросили за спиной.

— Ага, — сказал В. Ершов и раскрыл блокнот. — Вы...

— Я, я! А ты вот что, корреспондент, — тихо, как шепчут детям на ухо морские раковины, сказал агроном совхоза «Шакат» Г. Ф. Иванченко. — Очерков тебе не будет. А лохо — будет. Бери ноги в руки и летяй отсюда! И другим передай!

И Ершов уехал. На лётучке он рассказал собратьям, как надо понимать выражение «меры будут приняты». Это значило «будем бить».

Но «нишцы» не сдались. Угрозы решили презирать, а для безопасности ездить в совхозы по двое. И только собрались закрывать лётучку — с треском распахнулись двери. На пороге стоял зоотехник совхоза «Шакат» Булат Абдрахманов.

— Я от агронома Иванченки, — недобро сказал он, и желтое спичечное пламя зажглось в его глазах. — Стегать ваших — это остается в силе. Как обещано!

В этот миг рокового Булата отодвинула тяжелая рука. В проеме двери образовался директор совхоза «Заря» Г. И. Малый и значительно дополнил:

— А кто будет пойман на угодьях «Зари» с «лейкой» и с блокнотом, на тех тоже приказ отдан: выдавать интервью по филейным частям!

И двое ушли, шараянув дверью.

Однако напористые газетчики не отступились от критики. Тут же договорились ездить в командировки, но уже не по двое, а целой бригадой. Сядут в машину пять корреспондентов поздоровее, за руль — председатель районного партгосконтроля — и с богом! Ведь не бросать его одного! Ну, как ему выехать, скажем, в Майкарагайский совхоз одному, если директор совхоза К. Аубакиров уже перешел от слов к делу, ворвался в милицию и требовал, чтобы выдворили из совхоза ревизоров партгосконтроля, приехавших на предмет изобличения жулья. Спасибо, милиция заступилась за ревизоров.

Но хватит. Товарищи павлодарские ксерксы (по алфавиту): Абдрахманов, Аубакиров, Иванченко, Малый! Перестаньте грозить. Ущипните себя за мочки ушей. Это отрезвляет. Посмотрите на календарь, какой нынче год. Не кажется ли вам, что надо срочно менять отношение к газете, контролю и критике?

Надо. Срочно! А если жажда мести останется — утоляйте ее на море. За отсутствием моря можно высечь пруд или в крайнем случае лужу.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

Целинный край.

Говорят, бумага все стерпит. Не только в Архангельске — везде так говорят. А вот ты послушай-ко, что сей год приключилось.

У бумаги терпение лопнуло, право слово.

Ты спросишь: кака-така причина?

Почалось это посередине зимы в позапрошлом году. Порешили начальники треста «Архбумстрой» годовое обещание дать, обязательство, стало быть. Когда и какое дело сотворить, когда и какой завод построить.

Собрались вместе в клубе, запалили все люстры, стол для президиума соорудили, на трибуну графин поставили, медны трубы играют — страсть сколь красиво.

Спервоначалу выходили на трибуну запросто для проминания голоса и языка. Говорили вроде все больше не по делу, а про лошадей.

— У вас на объекте и конь не валялся, — говорил один, — а в сводке что сказано?

Другой ему в ответ:

— На себя погляди. В отбельном цехе ни коня, ни возу, а сроки давно вышли.

— У нас завсегда так: когда впрягать, тогда и дугу гнуть! — Это уже, стало быть, прямо из зала кричат.

И такой поднялся шум, хоть святых выноси. Пришлось перекур объявлять. После перекура вернулись люди из буфета подобрешие и начали обещания принимать.

Вынесли на трибуну большую бумагу и ну давай в нее разные красивые слова записывать.

Дескать, взвесив все возможности и резервы, торжественно обещаем выполнить годовой план досрочно. Дескать, воодушевленные решениями, даем крепкое слово построить в декабре 1962 года отбельный цех и, стремясь внести свой вклад, сдадим химкорпус в марте, а выпарной цех и два детских сада — в июне.

Писали эти хорошие слова в бумагу, медны трубы туш играли, строители в ладошки хлопали.

Потом по домам разошлись, а бумагу велели на забор повесить, на солнечную сторону. Стали вешать. Повесили единова — глядь, она на снегу. Другорядь повесили — снова слетела. Отчего бы это, думают. А бумага и заговори человеческим голосом:

— Дак што же вы, бессовестные, делаете? Ведь отбельный цех у вас в ноябре минувшего года должен быть, а вы его сызнова пишете, опять через год построить обещаете. Не буду висеть — и вся недолга. Стыдно!

— Ты уж повиси, — начал ее уговаривать управляющий стройтрестом товарищ Батра-

КАК У БУМАГИ ТЕРПЕНИЕ ЛОПНУЛО

Сказ подлинный, записанный на Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате

ков. — Для твоих же бумажных дел цех строим. Мы его и впрямь сей год закончим, ей-богу. По-свойски просим, повиси.

Бумага попалась мягкая, согласилась. Спервоначалу стыда натерпелась немало, но потом на морозе повыцвела, на солнце повыгорела — ни словечка не понять. Целый год висела.

В прошлом году ее сызнова сняли и поволокли, как в бывалошное время, на трибуну и снова красивые слова стали записывать. Теперь вместо «стремясь внести вклад» написали «претворяя в жизнь», а дальше все по-старому пошло. Опять тот же отбельный цех записали, снова старые знакомые — химкорпус и выпарной цех — в бумагу попали, ну и дза горемычных детсадика не запаматовали.

Только сроки поставили новые — еще на год вперед.

— До каких пор вы срамить меня будете? — взмолилась бумага. — Третий год одни и те же обещания, а дело на одной точке стоит. Со старыми клятвами не разделались, а уж наобещали семь новых коробов. И химводоочистку, и цех отделки древесных плит, и многое другое. Совесть поимейте!

— Ах ты, такая-сякая! — закричали на нее в стройтресте. — Ты что, проть соревнования, проть высоких обязательств?! Давайте, брат-

цы, напишем обещание на древесно-волокистой плите, а бумагу эту — в макулатуру! Будет знать!

Припугнули бумагу — умолкла, позволила исписать себя обещаниями. Просила только на забор не вешать. Уважили просьбу — свернули бумагу в рулон, забросили на постройкомовский шкаф.

Сей год в феврале рулон со шкафа стянули. Потому как снова пришла пора обещания давать.

Тут уж с бумагой не церемонились. Теперича, мол, нам все нипочем — что хотим, то и напишем. Все одно никто в нашу бумагу не заглядывает, обещания наши не вспоминает.

И даже переписывать не стали. Супротив слов «отбельный цех, химводоочистка, цех отделки плит», которые в IV квартале 1963 года сдать обещали, написали: «В IV квартале 1964 года». А против слов «два детских сада» указали: «Построить в августе 1964 года». И потянули бумагу на трибуну.

Вот тут-то у нее терпение и лопнуло. Понаутужилась, встряхнулась — написанного как не бывало.

Стройтрестовцы снова написали. Бумага опять встряхнулась.

Бились-бились, видят, бумага на своем стоит. Тогда товарищ Батраков разгневался:

— Да как она, бумага, смеет нам перечить! Да у нас на носу собрание актива. Будем сызнова клятву давать. Торжественно, под медны трубы! Мы найдем на бумагу управу!

И поволокли бумагу в типографию. А там зажали ее промеж свинцовых литеров, да так, что не только встряхнуться — пикнуть нельзя. Потом, отпечатанную, снова внесли на трибуну. И гремели медны трубы, и хлопали в ладошки. И начальство опять себя в грудь колотило — обещания давало.

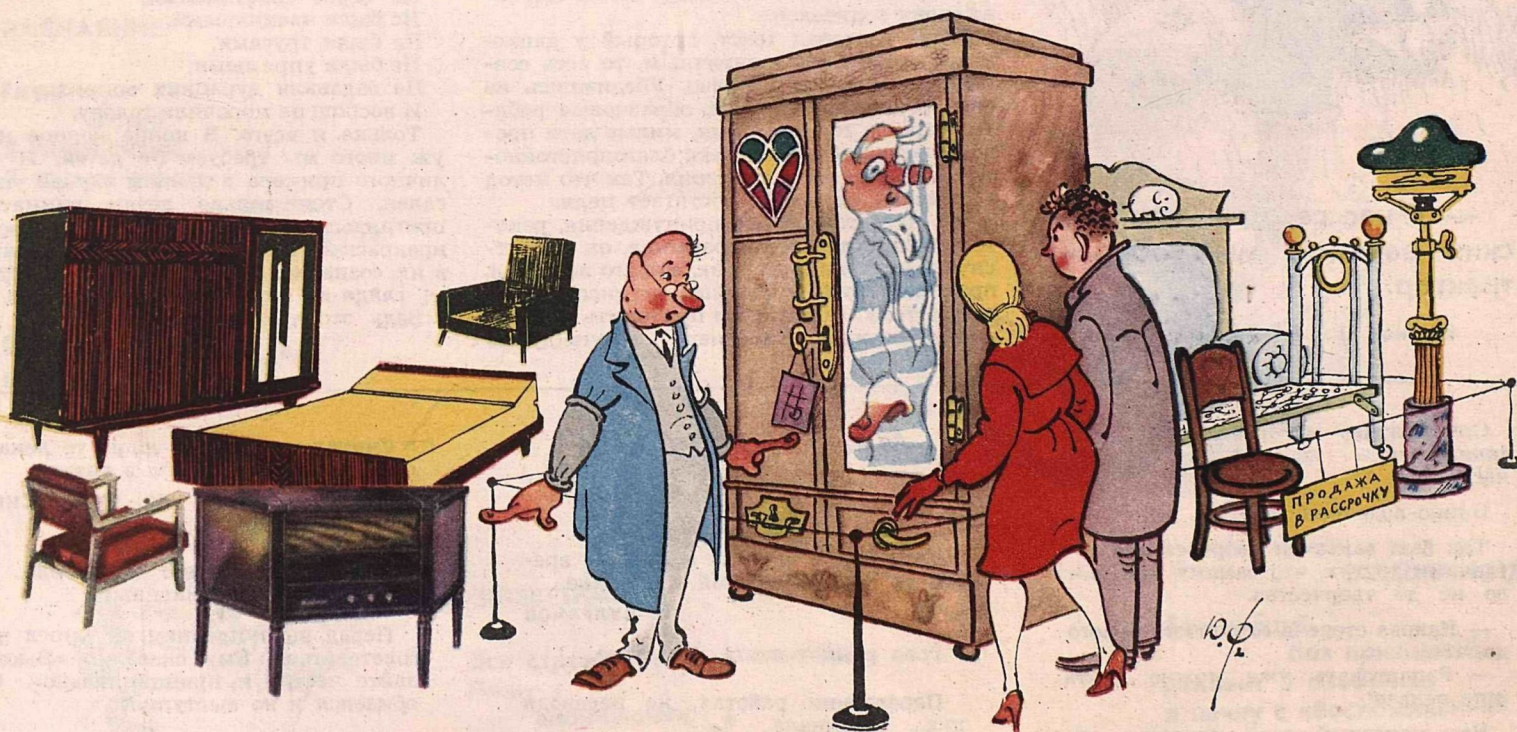
Не верите? Сущю правду вам сказываю. Да и земляки с Архбумкомбината соврать не дадут. С бумаги-то, у которой терпение лопнуло, они кажинный год все обещания в свою газету «Бумажник» списывали.

— А может так быть, что руководители стройтреста и сей год своих обещаний не сдержат? — спросите вы.

Отвечу: вполне может быть. И сей год работают они худо. Только им не боязно. Они новые обязательства примут.

Опять в ладошки похлопают...

Сказ записал А. КРУПНЯКОВ.
г. Архангельск.

— Вам какую мебель: современную или в кредит?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

Непедагогические раздумья

Воспитание детей — дело сложное. Ученые педагоги утверждают, что главное в воспитании — добиваться послушания детей. Это может быть достигнуто двумя методами: убеждением и принуждением.

Метод убеждения несложен. Вы сажаете вашего Мишеньку на стул и долго объясняете ему, привлекая примеры из жизни, а также мифологии, художественной литературы и судебной хроники, что так поступать, как он позволил себе, некорошо. Что это неэтично. Что это опасно. Что это чревато ужаснейшими последствиями.

Если вам при этом удастся добиться, чтобы он не ковырял рассеянно в ухе и не болтал ногами, можете считать, что труд ваш не пропал даром. В чуткое сердце ребенка запали семена, которые со временем дадут добрые всходы.

Хорошо при этом еще сослаться на знакомых ему детей, выставляя их в качестве эталона благопристойности и высокого сознания своего долга.

— Посмотри на Павлика, — говорите вы. — Он не огорчает своих родителей. А ты?

После этого вы делаете длительную паузу, чтобы дать ребенку возможность оценить всю глубину пропасти, на краю которой он стоит. Но, убедившись, что из глаз его не брызнули потоком слезы раскаяния, продолжаете, используя другое направление:

— А как он ведет себя в школе! Мне говорила учительница, что вся школа гордится Павликом. А разве ты не мог бы так себя вести, чтобы вся школа гордилась тобой?

Здесь опять полезна пауза, во время которой ребенок должен понять, что еще не все потеряно и путь к славе для него не закрыт.

Беда заключается в том, что дети, встречаясь во дворе, обмениваются опытом. Выясняется, что тирада, обращенная отцом к Павлику, по поводу его усиленных попыток научить кошку плавать с аквалангом в ванне ничем не отличалась от ваших попыток внушить Мишеньке, что его друг Павлик — лучшее дитя в мире.

Оказывается, именно вчера, вытаскивая полуживую кошку из воды, папа усадил Павлика и проникновенным голосом сказал ему:

— Посмотри на Мишеньку. Он не огорчает своих родителей...

Далее следовал текст, который у дипломатов именуется идентичным, то есть совпадающим слово в слово. Убедившись из слов родителей, что они образцовые ребята и школа гордится ими, милые дети продолжают нарушать кодекс благопристойности и образцового поведения. Так что метод убеждения не всегда достигает цели.

Что касается метода принуждения, рекомендуемого для всех возрастов, он является загадкой даже для тех, кто его выдумал, пропагандирует и защищает диссертации на эту тему. Попробуйте принудить к чему-нибудь тринадцатилетнего индивидуума

любого пола, если ему в голову втемяшилось что-либо совершенно несуразное. Попробуйте.

Бить детей нельзя. Мы не какие-нибудь дворяне и помещики, чтобы применять телесные наказания.

Оставлять ребенка без обеда — жестоко и неразумно. Жестоко не по отношению к нему — он все равно наестся до отвала, — жестоко по отношению к матери и бабушке, которые будут стонать весь вечер и утверждать, что у ребенка начинается дистрофия.

Остается могучее средство: «Ты не пойдешь сегодня в кино! Это будет тебе наукой!»

Сказав это голосом, в котором чувствуется сталь с примесью ферросплавов, вы уходите в другую комнату. Притом как можно быстрее, прежде чем вам ответят: «А я все равно пойду!»

В шесть часов вечера, когда сурово наказанное по методу принуждения дитя начинает недвусмысленно надевать пальто, загадочно улыбаясь при этом, вы очень педагогично выходите из положения, говоря: «Ну ладно. На этот раз, поскольку тебе ясен твой гадкий поступок, я разрешаю тебе пойти в кино. Но в следующий раз, если это только повторится...»

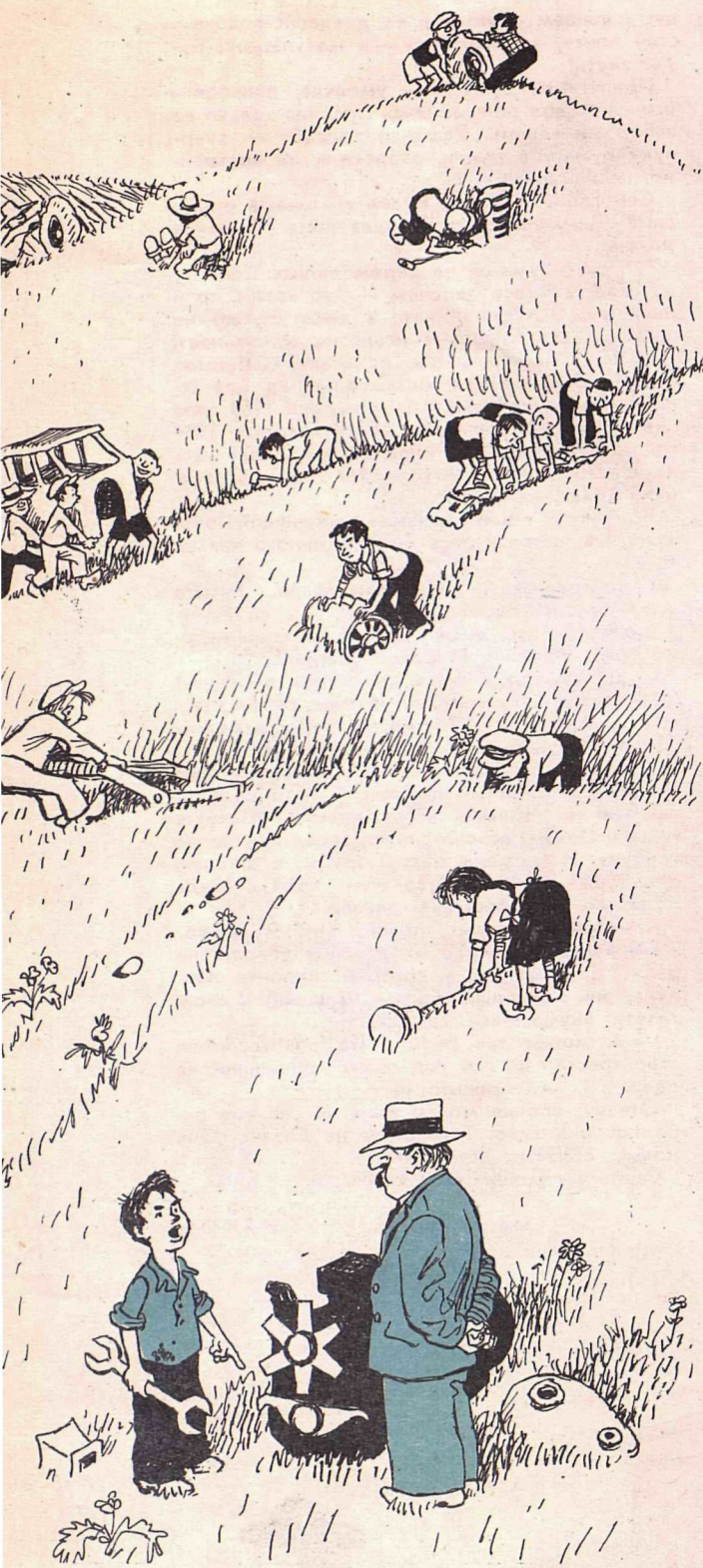
Конец этой фразы обычно уже не имеет практического смысла, поскольку великодушно прощенный отпрыск уже несет вниз по лестнице.

По-видимому, метод принуждения тоже не может считаться совершенным. Лично автор считает наилучшим, достигающим максимального эффекта третий метод — метод личного примера. В самом деле, что мы требуем от детей:

- Чтобы они были честными и не врали;
- Чтобы прилежно занимались;
- Были добрыми;
- Слушались старших;
- Были уважительными и вежливыми;
- Не были эгоистами;
- Были терпеливыми;
- Каждое дело доводили до конца;
- Были аккуратными;
- Не обижали слабых и маленьких;
- Не были подхалимами;
- Не занимались ябедничеством;
- Не были сплетниками;
- Не были чванливыми;
- Не были трусами;
- Не были упрямыми;
- Не задавали дурацких вопросов;
- И вообще не морочили голову.

Только и всего. В конце концов не так уж много мы требуем от детей. И метод личного примера в данном случае универсален. Стоит только детям внимательно приглядываться к родителям, как все эти прекрасные качества незаметно проникнут в их сознание. И взрослые будут радоваться, глядя на своих дорогих питомцев. Ведь это так просто!

Бор. ЮДИН

— У нас сегодня практические занятия: мы собираем трактор.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Самокритику впустили в зал заседаний лишь на художественную часть.

Винно-лодочная станция.

Так был захвачен творческими неудачами других, что самому уже было не до творчества.

— Какова степень готовности нового дома?

— Рапортовать уже можно, жить еще нельзя!

Весь месячный запас металла на заводе был в голосе директора.

Л. МИТНИЦКИЙ

МИМОХОДОМ

Если она и болтала в рабочее время, то только ложкой в стакане.

Н. БУЛГАКОВ

Грел руки у очага культуры.

Переводчик работал, не переводя дух... оригинала.

От подхалима до взяточника рукой подать.

Считал целебными лишь те лекарства, которых не было в аптеке.

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

г. Рига.

Ему выпить ничего не стоило: за него платили подчиненные.

Перед выступлением он зашел посоветоваться. Ему сказали: «Выступайте честно и принципиально». Он обиделся и не выступил.

Читал он редко, но ругал непрочитанное часто.

А. ЧИКАРЬКОВ

НАКМИТЬ

Рисунки Стасиса КРАСАУСКАСА

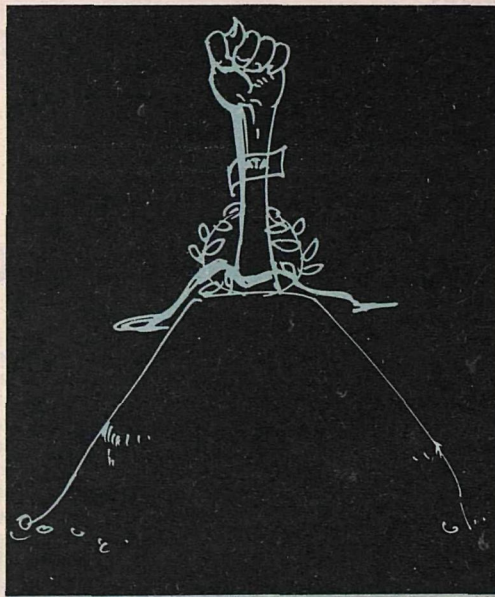
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

НЕЧТО НЕВЕРОЯТНОЕ

Я неподкупен
и независим.
Принципиален я до конца...

Мое лицо!
А оно зависит
от вышестоящего
лица.

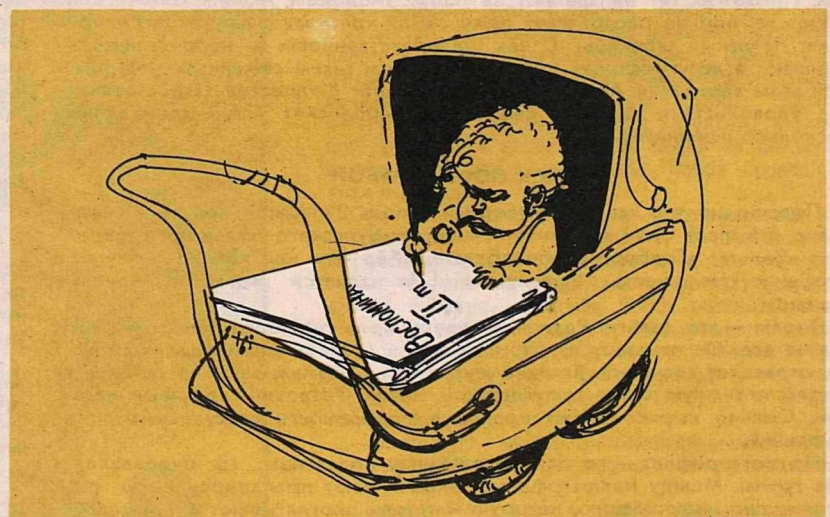

ВЫСКАЗАЛСЯ

Он жил незаметно,
почти нормально
работал,
при встречах прятал
глаза.
Всю жизнь он
фигу носил
в кармане
и лишь из могилы
ее
показал.

РАСКАЯНИЕ

Глядите,
люди!
Я тихий-тихий.
Я только спьяну
куражусь,
грубя.
А сейчас я трезв
и заместо
бутылки
Пойду и запросто сдам
себя!

КЛЕВЕТНИК

Все строки — как по ниточке.
Пишу я
анонимочки.
Мое письмо отправлено...
Отравлено!
Отравлено!!

ВУНДЕРКИНД

Без оваций,
без признаний,
деловит и озабочен,
я начну с «Воспоминаний»...
Интересно:
чем я
кончу!

КРЫСЫ НА ФОТО

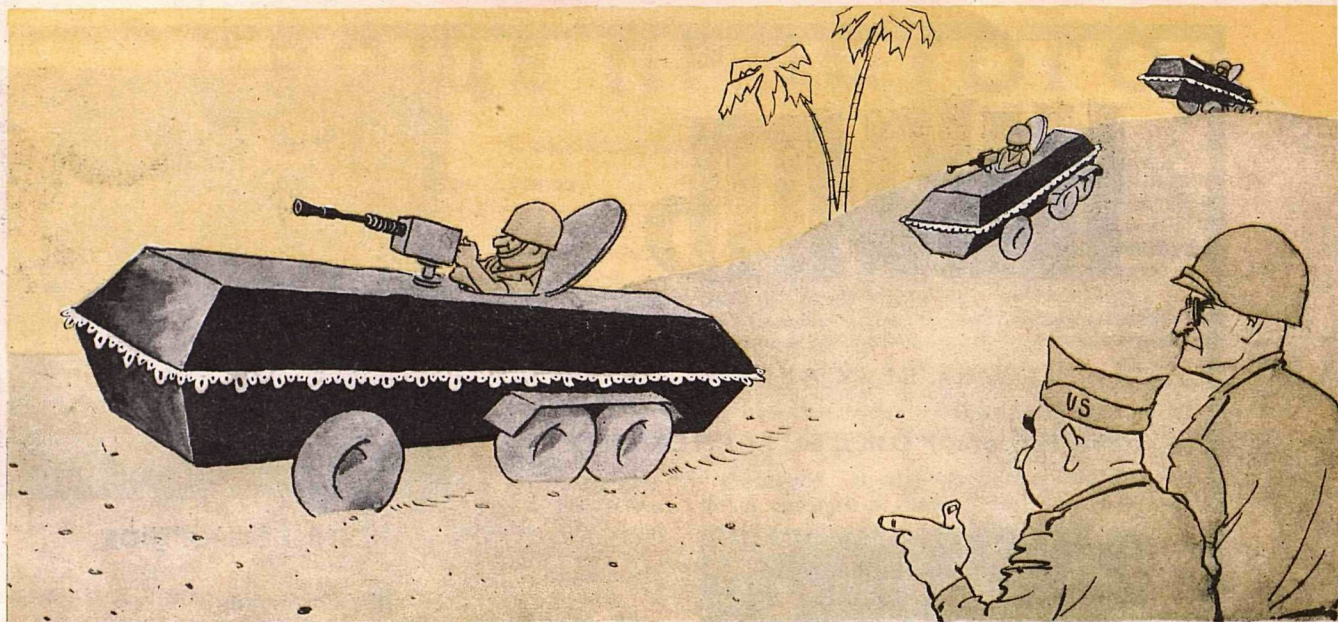
ГЛАЗГО. Крысы наводнили трущобы Глазго. Доведенная до отчаяния Джозефина Коллинс сфотографировала нашествие крыс на свое жилище и направила фото королеве Елизавете. Вскоре она получила извещение, что фотографии «переданы на рассмотрение министру по делам Шотландии».

«Видимо, судя по тому, как долго министр рассматривает фото, я сняла слишком много крыс», — предполагает Джозефина Коллинс.

БЕЗ ЗУБОВ УДОБНЕЕ

НЬЮ-ЙОРК. Вставить зубы — целая проблема для престарелых американцев, поскольку эта операция стоит огромных денег. Недавно один дантист преподнес беззубым гражданам сюрприз: он заявил, что благодаря особенностям английского языка некоторые звуки без зубов произносятся легче.

На состоятельных американцев совет не вставлять зубы, само собой разумеется, не распространяется.

— Эти машины сконструированы специально для войны в Южном Вьетнаме!

Рисунок Е. ГУРОВА

САМЫЕ ЖЕЛТЫЕ

Публичное заведение Акселя Шпрингера

Самая известная достопримечательность Гамбурга — это Репербан, место обязательного паломничества туристов. В потной тесноте здесь столпились 285 ночных кабаре, дансингов, баров и публичных домов. Остро пахнет спиртным перегаром и рисовой пудрой. Ослепляют и оглушают скачущие и подмигивающие рекламы. А нахальные зазывалы хватают прохожих за полы и наперебой прельщают:

— Мы вам покажем шедевр: верблюды пьют пиво!

— Только у нас настоящий парижский стриптиз!

Гиды утверждают: кто не был в Репербане, тот не видел Гамбурга.

А ведь в Гамбурге не один Репербан. Их два. Во второй, в квартал, называющийся «газетным городом Шпрингера», туристов почему-то не водят. И напрасно. Ведь это — самое крупное из местных заведений, торгующих грехом.

Показ облысевших верблюдов-алкоголиков считают здесь дешевой. Прохожих тут не хватают за полы. Молодцы Акселя Шпрингера имеют то, чем не располагает даже самая красивая распутница Репербана: печатные страницы. С них безнравственность и непристойность вползают в дома горожан и ранним утром и тихим семейным вечером. При этом заведение Акселя Шпрингера берет с клиентов за доставленное удовольствие намного дешевле репербанских дам — всего лишь несколько пфеннигов.

ЗДЕСЬ ПОЯТ ОТРАВОЙ

Подсчитано, что каждый четвертый житель Западной Германии ежедневно покупает одну из обитательниц гамбургского «газетного города»: «Вельт», «Гамбургер абендблатт», «Хёр цу» или «Бильд цайтунг». Особенно последнюю. Бульварная «БЦ» издается многомиллионным тиражом.

Тираж — это деньги. Ради них содержатель газетного Репербана готов на все. Он печатает то, что щекочет и ласкает низменные инстинкты, отравляет сознание. Хваткие журналисты размазывают по газетным листам интимную грязь полусветской жизни. Развозят слезливые истории. Смачно вырисовывают кровавые подробности сексуальных преступлений.

На фотографиях — то полуобнаженные красавицы, то окровавленные трупы. Между иллюстрациями вкрапливают препарированную политическую информацию, которую читатели проглатывают вперемешку с комиксами, кулинарными рецептами и любовными историями.

Ежеутреннее и ежевечернее нашептывание газет легкого поведения разлагает читателя, притупляет его волю, сковывает желание мыслить и действовать, готовит из него человека, которого можно повести куда угодно: и в казарму и на войну. Для того и фабрикует Шпрингер свои издания так, чтобы читателю оставалось только читать и больше уже ни о чем не думать. Ему твердят между строк и между иллюстраций: ты все понимаешь и все знаешь, покупая нашу газету, а мы только высказываем твои же мысли о праве ФРГ вооружаться, задушить ГДР, восстановить Германию в границах 1937 года...

ДЕНЬГИ ДЕЛАЮТ АКСЕЛЯ

Из окон его кабинета виден весь второй Репербан, предприятия которого оцениваются в четверть миллиарда марок. Да, Шпрингер пока

лишь рядовой миллионер. Ему еще тянуться до миллиардера. И он старается, ограничивая себя во всем. Высокий, сухопарый, копирующий стандартного английского джентльмена одеждой и манерами, он не пьет и не курит. Не бывает в обществе. Мало развлекается. Он ведет уединенную жизнь. Долго работает по ночам.

Того же требует от подчиненных. Журналистскую совесть покупает, не скупясь на деньги. Трехтысячная ватага его чернильных рабов не даром развращает миллионы душ и умов. В ближайших помощники он нанял надежных людей: Ганса Церера, реваншиста Петера Бёниха и Иоахима Кауша — бывшего солдафона гитлеровских газет.

Но кто покупает Шпрингера? Содержатель газетного притона не оставляет подписей на своих финансовых связях. Задний двор второго Репербана погружен в предусмотрительную тьму.

Но и в ней можно кое-что рассмотреть. Вот проступают во мраке контуры 1954 года. Тем летом состоялась первая крупная сделка Шпрингера: за одновременное пособие в 200 тысяч марок и ежемесячную субсидию от правительства в 50 тысяч он обещал Аденауэру «публиковать то, что надо». Годы идут, а число покупателей бесчестности Шпрингера растет. Он обильно кормится из рук промышленников и банкиров. Перед своими хозяевами рослый пресс-лорд съезживается до размеров пресс-лакея. Его поощрительно похлопывают по плечу. Это коробит англоязычного немца. Но он терпит. Он рвется в миллиардеры...

АКСЕЛЬ ДЕЛАЕТ ДЕНЬГИ

Всеми неправдами его газеты стараются приблизить ожидаемый благословенный день, когда ФРГ, проглотив ГДР, раздуется и расширит для Шпрингера газетный рынок. Ах, как ему этого хочется! Ведь по территории ГДР разгуливают миллионы немцев, которые могли бы отдавать свои марки Акселю.

Шпрингеру невтерпёж. Он спешит делать деньги. Он работает ночами. Он адресует провокационные «доверительные» послания депутатам бундестага и федеральным министрам. Ссылаясь на собственные тайные источники, он сообщает, что ГДР «на краю катастрофы», что там «кризис режима», требует, чтобы боннское правительство без промедления предприняло решительные санкции против ГДР.

Кончается трудовая ночь Шпрингера. Он меняет пропитанную потом рубашку и зовет доверенных лиц, дремлющих в прихожей.

— Одна нога тут, другая там! — говорит содержатель газетного притона и раздает конверты.

Теперь потеют доверенные лица. Они обгоняют попутные автомобили. Они с ходу вскакивают в заказные самолеты. Они спешат доставить подметные письма в собственные руки именитых адресатов.

Аксель Шпрингер довольно потирает руки. Он неплохо выполняет заказ по развращению общества. Дела его идут в гору.

Это возбуждает зависть конкурентов. По слухам, идущим из первого гамбургского Репербана, несколько владельцев тамошних публичных домов решили сложиться и издавать свою газету. Так сказать, по совместительству. «Дело одно и то же, — говорят они, — зато полиция не преследует и власти поощряют. Разве мы хуже Акселя?»

И правда, они несколько не хуже.

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

ТОРЖИЩЕ В КАПИТОЛИИ

Под величественным куполом здания американского конгресса идет бойкая торговля. Торгуют открыто и из-под полы. Продавцы — сенаторы, члены палаты представителей, служащие конгресса. Покупатели — промышленные фирмы. Вот только товар неосязаем. Называется он «влияние». Зато платят за него реальными долларами, акциями, чеками. Несмотря на необычность товара, его реализация вполне подходит под элементарную формулу купли-продажи. Я тебе — свое влияние в проталкивании нужного тебе законопроекта или получении заказов. Ты мне — монеты. Попадается, правда, среди продавцов жуликоватый народ. У них сделка приобретает такую формулу: ты мне — монеты; я тебе — шиш. Разражается скандал.

Такой скандал только что отгремел в американском сенате. Влип Бобби Бейкер. А Бобби был величина. Занимая должность секретаря демократического большинства, он за двадцать лет пребывания в сенате досконально изучил все нравы отцов-законодателей. Он стал неотъемлемой частью машины конгресса. Недаром его называли 101-м сенатором.

В кабинет Бейкера под номером «Ф-80» частенько заглядывали сенаторы-демократы. Если

нужно, он утолял их жажду: у него стояла наготове батарея горячительных напитков. Когда сенатор не хотел попадаться на глаза, он брал черный лимузин Бобби и в нем мчал на деловую, а то и на амурную встречу. Для облегчения таких встреч Бейкер создал уютный «Кворум клуб» прямо напротив нового здания сената. Два генерала, два адмирала, четыре сенатора, два члена палаты представителей, посол Перу, бизнесмены, лоббисты — таков состав клуба.

Развлекать гостей в «гнездышке» помогала секретарша Бейкера Карол Тайлер. Ей в этом активно содействовала жена сотрудника западно-

германской военной миссии Эллен Рометш. Частенько деловые встречи в клубе заканчивались купанием дам в ванне с шампанским. На развлечения девицы не жалели сил, а бизнесмены долларов. И все ради покупки влияния.

А у Бобби Бейкера оно было. Так или иначе, он держал в руках почти все нити деятельности сената. При этом не церемонился. Например, захотел сенатор от Северной Дакоты Бэрдик получить вакантное место в важной юридической комиссии. Не тут-то было. У Бейкера были свои планы. Когда комиссия собралась для выборов нового члена, Бобби шепнул ее председателю несколько слов. Пока Бэрдик ходил по коридору, ожидая вызова, комиссия уже избрала сенатора Лонга от Миннесоты, кандидатуру которого протолкнул Роберт Бейкер.

«Спросите у Бобби!», «Бобби вам скажет!», «Это знает Бобби!» — только и слышалось в сенате. И он действительно все знал. Знал, кого из сенаторов нет в городе, кто у кого в долгу, с кем проводит тот или иной законодатель сегодняшний вечер. А лучше всего знал, как делать деньги.

Делал он их поразительно быстро. Получая зарплату в 19 тысяч долларов в год, Роберт Бейкер накануне скандала «оценивался» в сумму около двух миллионов. А все дело в том, что он успешно сбывал свое влияние. Существовала, например, в городе Милуоки корпорация, занимавшаяся страховкой закладных. Несколько лет подряд она «горела». Но вот Бобби Бейкер приобретает в 1959 году по дешевке несколько сотен ее акций. Вскоре она «неожиданно» получает от казначейства специальное разрешение не платить некоторых налогов в течение 15 лет. Акции корпорации резко пошли вверх, а стоимость акций на руках у Бобби подскочила до полумиллиона долларов. Ничего незаконного он не сделал. Он только оказал влияние на казначейство.

Секретарь демократического большинства поставил торговлю своим влиянием на широкую ногу. К нему обращались лоббисты — эмиссары монополий. Крупные предприниматели добивались его покровительства. Банки отваливали ему щедрые займы. Его слово оказывало магическое действие при распределении многомиллионных заказов. Жена одного его компаньона вспоминала, что частенько видела в его служебном кабинете на столе пачки зелененьких бумажек на суммы в тысячи долларов.

Да что там тысячи! Бейкер строит мотель в курортном местечке стоимостью в 1 миллион 200 тысяч долларов. У него появляются акции банков, страховых компаний, трубопроводной фирмы, магазина и даже... кладбища.

И все же Бобби Бейкер сорвался. Получив пять тысяч зелененьких от одной фирмы по установке торговых автоматов, он коварно нарушил формулу купли-продажи. Вместо того чтобы оказать влияние на одну авиационную компанию и заставить ее воспользоваться автоматами фирмы-контрагента, Бейкер добился этого заказа для своих собственных компаньонов. Поняв, что его деньги плакали и заказа не видать, хозяин фирмы полез в амбицию. Он подал на Бейкера в суд. Дело попало в газеты. Бобби поспешил уйти в отставку.

Одна из комиссий сената нехотя взялась за расследование дела Бейкера. И расследователи и расследуемый отлично понимали: это не нужно ни им, ни ему. Как заявил один из бывших друзей Бейкера, «если бы Бобби рассказал все, что он знает, не осталось бы никакого сената — ни демократического, ни республиканского». Именно поэтому комиссия проводила опрос, стремясь не обидеть расследуемого. Но и это ему наконец надоело.

— Вот что, — заявил он однажды, — мне некогда тут с вами разговаривать. Я должен писать книгу.

Литературного дара у Бобби члены комиссии никак не ожидали. Книгу? А что, если и они попадут в нее? Если он расскажет, как и они торгуют своим влиянием? По коридорам конгресса забегали озабоченные сенаторы. Вскоре было принято решение: слушание дела прекратить. Считать, что Роберт Бейкер действовал в рамках закона.

Сенаторы с облегчением вздохнули. Мир в Капитолии восстановлен. И вновь в гулких переходах и залах конгресса слышен шепоток:

— Продается влияние!.. Продается влияние!.. Кто даст больше?..

СУД ИДЕТ...

...а преступник бежит.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

О. ВАСИЛЬЕВ

За рекой на горочке

Иллюстрации Е. ЩЕГЛ

Композитор Фасоленко сел к инструменту. У него сразу вспотели ладони.

— Я хочу показать вам...— начал он дрожащим тенором. Ему стало стыдно своей робости. Он прокашлялся и повторил басом:— Я хочу показать вам мою новую песню. Слова Бабушкина и Козликава. «За рекой на горочке»...

— Где? — переспросила пожилая дама из отдела легкой музыки.

— За рекой...

— Так.

— На горочке.

— Великолепно!

Композитор почувствовал поддержку и заговорил нормальным голосом. Нормальным его голосом был баритон.

— К сожалению, я не умею петь...

— Валий, Фасоленко! — онисходительно бросил товарищ Вседержавин. — Голос композитора обратно пропорционален его таланту!

Все засмеялись. Эту шутку товарищ Вседержавин повторял на каждом прослушивании, и все знали, где надо смеяться.

Композитор сыграл и спел песенку. Наступила тишина. Бабушкин и Козликов громко дышали в углу.

— Ну вот, — сказала пожилая дама. — Мы говорим, что у нас мало простых и доходчивых песен. А вот вам, пожалуйста, чем не песенка? За рекой... где, вы сказали?

— На горочке.

— Вот именно. На горочке. Мило и доходливо. Я — за.

Члены комиссии переглянулись.

— Песенка в порядке, — подытожил товарищ Вседержавин.

Бабушкин и Козликов громко хлопнули друг друга по коленке.

* * *

Песню композитора Фасоленко решили передать по местному телевидению. Снять как отдельный номер. Как большой, развернутый концертный номер. Песня стоила этого. Простая, милая и доходчивая, она требовала, чтобы ее подняли и подали. На телевидении умели это делать.

Постановка концертного номера была поручена старому волку Гринблоку. Про него на телевидении говорили, что в нем пропадают сразу два классика. Он писал лирические тексты для передач, подписывая их то одной половиной фамилии, то другой.

Фасоленко и Гринблук встретились для творческого разговора по большому счету. Гринблук говорил с авторами только по большому счету.

— Прежде всего я должен вас поздравить, — задумчиво сказал он. — За рекой... За рекой — где?

— На горочке.

— На горочке... На горе! На большой скалистой горе, чувствуете? Мы оденем ее в белую тунику...

— Кого ее?

— Беллакорду, разумеется!

— Простите, а я мечтал об Анжелике Ваклажановой...

— Ваклажанова — типичное не то! Она поет искусственным басом. Здесь

нужно естественно звенящее контральто. Помните, как у Беллакорды, — «без тыба я не могу»?

— Вот именно, «тыба», — грустно сказал Фасоленко. — Почему она поет «тыба»?

— А Ваклажанова поет «тибья» — это что, лучше?

Фасоленко помаял ладони.

— Да, верно... А может, попроще, а? Какой-нибудь, знаете, простой, доходчивый голосок, а?

— Вы скатываетесь к всеядности! — строго предупредил Гринблук.

* * *

Гортензия Беллакорда, по паспорту Люся Михина, два года занималась в кружке самодеятельности при клубе «Красный индпошив». Там ей преподали основы системы Станиславского. Из всего наследия Константина Сергеевича она наиболее твердо усвоила закон о физическом действии. А это значило: если ты, Михина, хочешь изобразить ужас, — раскрывай глаза. Если сон, — наоборот.

Гортензия Беллакорда взяла текст песни.

— За рекой, на горочке... За рекой... — Она приставила ладошку ко лбу, словно вглядываясь в необъятную водную гладь. — На горочке! — Она порывисто подняла голову и громко задышала. Горочка — это вам не что-нибудь. На нее попробуй взбежись... — За рекой, на горочке, бродит парень... — Гортензия приосанилась и даже топнула ногой. Она мгновенно перевоплотилась в статного и сильного парня, каким и должен быть человек, переплывший реку и взобравшийся на горочку. — Бродит парень милый... — Гортензия глубоко вздохнула и сложила ладошки дощечками. — Ми-ильный...

Репетиция шла успешно.

* * *

Старый волк Гринблук написал лирическое стихотворное вступление и подписал его правой половиной своей фамилии. Он же сочинил развернутое романтическое либретто концертного номера и подписал его левой половиной.

...После взволнованного монолога как бы от автора экран телевизора как бы раздвигался перед нашими глазами. Туман задумчивыми полосами как бы плывал по экрану. Сквозь туман как бы просвечивал могучий горный кряж, перед которым серебристыми лунными волнами разливалась как бы река. Гортензия Беллакорда выходила в белой тунике, напоминающей свадебный наряд. Для туники потратили материи на пять метров больше, чем на мантию Анжелики Ваклажановой, выступавшей в соседнем номере.

...Грустно, чуть задумчиво, но с оттенком жизнерадостности Гортензия должна была пропеть первый куплет. Вздых оркестра, вспышка лунных бликов — и Гортензия как бы взлетала на самую вершину горного кряжа. Оркестр подхватывал это движение

волной музыки, полной оптимизма и к Гортензии приближался парня, как бы накрывая своей чей тенью ее трепещущую... Второй куплет должны были дуэтом Гортензия и специальный глашаемый из приморской реки модный тенор. Для третьего лета вызывался самолетом модный модерн-квартет Черноморского сыродельного комбината. Снова хивали блики, летели облака, вались березки, и Гортензия щальной фразой песни как бы ла вдаль на светлых крыльях оставляя яркий фосфоресцирующий след...

Товарищ Вседержавин ли одобрил, однако не понял, зачем фосфоресцирующий след фосфоресцирующий след вычеркнули.

Началась постройка декора. Урал была послана экспедиция ловым мрамором, которым предполагалось облицевать горный кряж. Словам оператора, он давал эффектные блики. Гринблук, преший по совместительству обязанности администратора, торговался с прской филармонией из-за модного нора и писал доносы на сыродельный комбинат, не желавший отпознать знаменитый модерн-квартет. Гортензия Беллакорда зачастила во время бракосочетаний, изучая повадки брачных. Возвратившись, она издала похожей на силу башню, бродили робкие штатсы ОБХСС и завязывали разговору уборщицами.

* * *

В урочный час передача состоялась. Оркестр гремел. Плыли облака. Прилетевший в последнюю минуту молодежный модерн-квартет нехорошими голосами пел «парура-рура». Вспыхивали блики. Волновались безрезки. Гортензия Беллакорда заламывала руки и переживала по системе Станиславского. Могучая тень модного тенора накрывала ее трепещущий силуэт. В буфете сидели Бабушкин и Козликов и строчили заявление о приеме в Союз писателей — одно на двоих.

* * *

Комиссия собралась в прежнем составе.

Товарищ Вседержавин был мрачен. — Чепуха получается, уважаемые товарищи. — Он потряс в воздухе пачкой писем. — Опять, понимаете ли, пишут. Критикуют. Безвкусица, пышность. Ломанье певца. Дешевые эффекты... Когда мы положим этому конец? Неужели нельзя найти настоящую песню? Нашу, понимаете ли, простую, доходчивую?

— Пойдите! — встрепенулась пожилая дама из отдела легкой музыки. — А ведь месяц назад мы слышали совсем неплохую песенку. Вот, кстати, и товарищ Фасоленко здесь. За рекой — где, товарищ Фасоленко?

— На горочке, — ответил подавленный Фасоленко.

— Вот-вот. Мило и доходчиво.

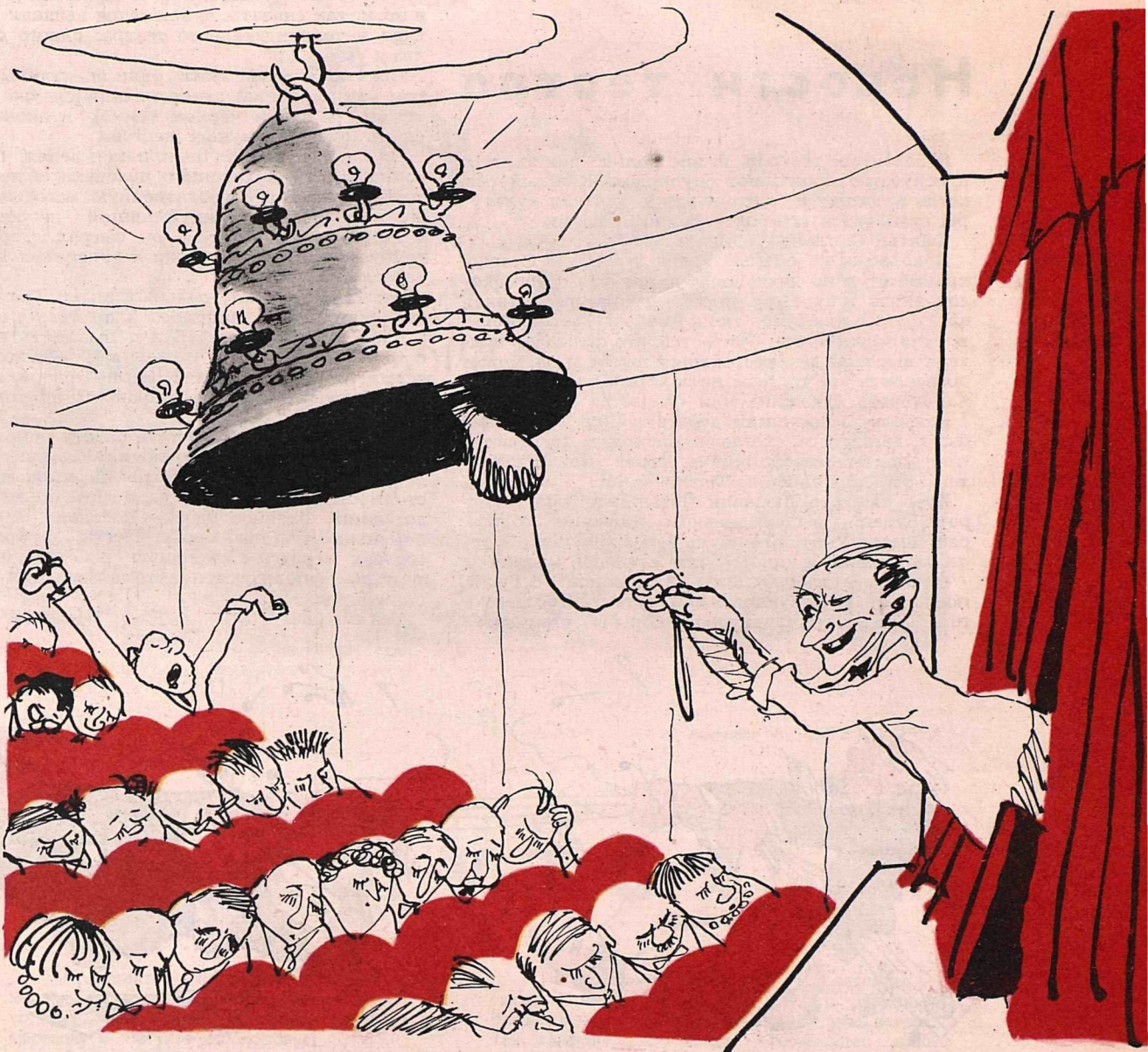
— А действительно... — заинтересовался товарищ Вседержавин. — Может быть, сыграете?

— Сыграйте, голубчик! — поддержала пожилая дама.

И композитор Фасоленко сел к инструменту.

* * *

Песня была принята. Ее решили показать во время эстрадного праздника на местном стадионе. Поставить, как большой концертный номер. Песня этого стоила. На роль марсианки пригласили известную певицу Анжелиту Баклажанову.

— Спектакль окончен, надо позвонить...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

И. МАРТЬЯНОВ

ВОПРЕКИ ЛОГИКЕ

Поэт не ходит куда,
Связав себя уютной дачей,
Зато в стихах его всегда
Сюжет присутствует ходячий!

г. Иваново

«Что ты делаешь?!» — спросили
у художника друга.

Мастер тонкий и искусный,
призадумавшись слегка,
отвечал с улыбкой грустной:
«Я ваяю дурака».

г. Киев.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Как-то раз в период культа
некий власть имущий пред
приказал, чтоб лучший скульптор
изваял его портрет.

С видом важным и суровым,
на слова и жесты скуп,
за столом своим дубовым
восседал он дубом дуб.

Быст был явно в том же стиле,
откровеннее нельзя...

Н. СКРИПНИКОВ

СОАВТОРЫ

Совместно сочинили в две руки
Одну миниатюру в две строки.

ДВА ПОЭТА

— Ну до чего ж ты, братец,
примитивный! —
Шипел на Соловья Приемник
портативный.

г. Запорожье.

Новости театра

Я завзятый театрал, и мне больно видеть, как в искусство проникают скупердяи. Каждый раз, когда прихожу в театр, я вижу: деятели культуры становятся все более прижимистыми.

Факты? Сколько угодно.

Декорации со сцены почти исчезли. Старый хромой стул на двух ножках, две-три грубо сколоченных табуретки, иногда с круглой дыркой на сиденье (видимо, экономия на древесине), — вот примерно и все. Считается, что фантазия зрителя выросла до невероятных высот и он может домыслить все то, чего не захотел сказать автор, нарисовать художник или «увидеть» режиссер.

Раньше по костюмам действующих лиц можно было догадаться, когда происходит действие — при первобытнообщинном строе или в строительном управлении. Теперь — нет.

Будь ты хоть Людовик Четырнадцатый — играть будешь в повседневном пиджаке, только, разумеется, с какой-нибудь запоминающейся деталью: париком, шпагой или железной маской.

Впрочем, четьринадцати Людовигов не будет, поскольку действующих лиц путем естественного отбора и внутривидовой борьбы становится

все меньше. Три, два, а то и один актер. Правда, в этом, так сказать, чувствуется высшая математика интеллектуального театра: одного слышим, два в уме.

Недавно я домысливал один спектакль, в котором единственный актер появлялся уже без костюма (в одном черном трико) и сэкономил на словах за счет «скупых жестов».

По ходу спектакля он только и делал, что перевоплощался: в хорошего человека, в негодяя, в честную девушку, соблазненную негодяем, и даже в коллектив, заклеивший последнего. В кульминационной сцене он сыграл дерущуюся толпу, из которой вынесли на носилках не менее десятка жертв.

Это был, конечно, сильный актер. После спектакля ему даже пришлось кланяться.

Что станет дальше? Будут выходить на сцену с фиговым листком и молчать? Экономить на освещении и на буфете? Честно говоря, не знаю. Я этих спектаклей не ставлю. Я их только домысливаю.

Я даже согласен поделить работу пополам: половину играет актер, половину домысливаю я.

И уж если театры борются за снижение стоимости спектакля, то надо идти по этому пути до конца. Главное здесь — побольше модерна и поменьше чувства меры. Пусть, к примеру, в театрах играют с помощью роботов, а вместо зрителей — пользуются автоматами для газированной воды.

Без сиропы.

Обещает телевизор
Новый танец показать,
Принимаем этот вызов
И садимся наблюдать.

Танцы новые нужны,
Танцы всякие важны.
(Кроме тех, конечно, танцев,
Что с заморской стороны.)

Угадал желанья наши
Телевизор, словно маг.

Вот уж на экране пляшут.

По приметам всем гопак.

Правда, диктору виднее,

Коли он твердит легко:

«Это танец беловшеек

Под названием «Ушко».

Всем решительно по танцу

Мы готовы предложить.

Например, «Протуберанца»

Астрономам подарить.

Для шахтеров — «Террикон»,

Для шоферов — «Перегон»,

Для прогульщиков —

«Прогулка».

Для старушек —

«Чарльстон».

Продавицам — «Коверкот»,

А боксерам — «Апперкот»,

Комсомольцам-активистам

Танец с топотом и свистом.

Убеждают нас танцоры,

Что освоить можно скоро

Танец физиков — «Протон»,

Танец химиков — «Капрон»,

И совместный — «Изотопы»:

Два прихлопа, три притопы.

Сто колен и сто движений,

Сто шажков различных длин,

Сто возможных положений,

Только танцы, как один.

Ничего не понимаю,

На корню скучнеез взгляд.

Телевизор выключаю:

Он, как видно, виноват.

Надо будет самому

Разобраться, что к чему.

...Я иду на танцплощадку,

В чем же дело, не пойму.

Тут шахтеры и шоферы,

Активисты и боксеры

С юными химичками,

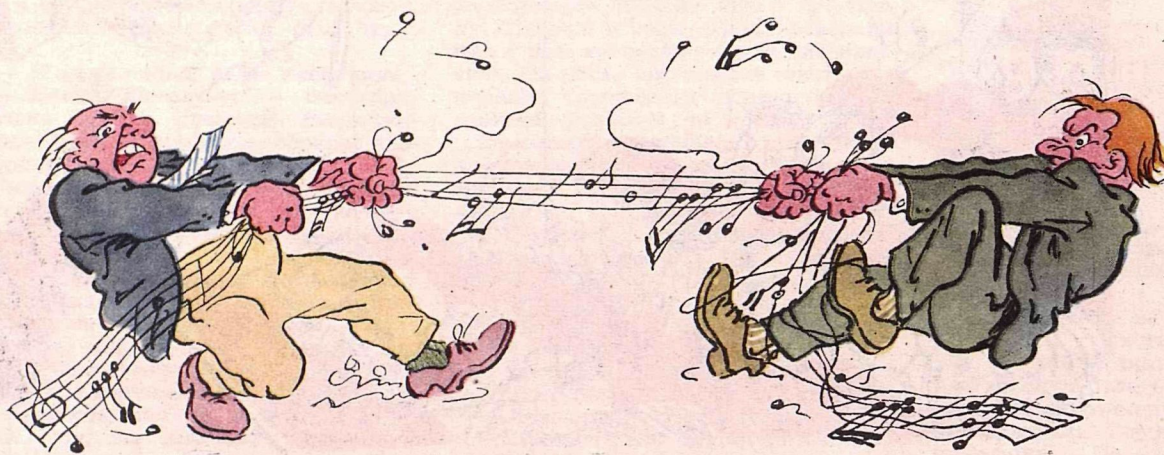
С милыми физичками,

Навострив полуботинки,

Все танцуют по старинке

Танго, вальсы и фокстрот...

Вот!

— А я говорю, это моя мелодия!

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Приходите мне помочь!

Пародия

Уважаемые дети,
Говорят, что среди вас
Появился странный мальчик
По прозванию Напоказ.
...Надо гнать мальчишку прочь!
Если я сама не справлюсь,
Приходите мне помочь.

Агния Барто

Уважаемые дети,
Появился среди вас
Бюрократ трехлетний Петя,
Оторвавшийся от масс!
Он любой почин погубит!
Любит кашу с молоком,
А вот критики не любит.
Отвечает кулаком!

Появился и Артурчик
По прозванию... Коньонктурщик,
Ну, а рыженький Игнатик
Всем известен как догматик!..
Есть еще такой приятель:
Восседает на горшке,
А кричит, очковтиратель,
Что летит на Горбунке!..

И когда от них избавлюсь?!
День и ночь
Гоню их прочь!
Дети,
Если я не справлюсь,
Приходите мне помочь!..

Иван ЗАКОНОВ

Г. ЩЕГЛОВ

Т и ш и н а

...Среди бела дня вдруг разом исчезли сто сотрудников Всесоюзной книжной палаты. Были, да все выщипы.

— Тишина! — удивленно говорили посетители, заглядывая в пустынные кабинеты.

— Тишина! — многозначительно поддакивал швейцар, покусывая прокуренный ус, чтобы ехидно не рассмеяться.

Тишина стояла и в «Россельхозтехнике». Там в разгар трудового дня недосчитались сразу 132 человек.

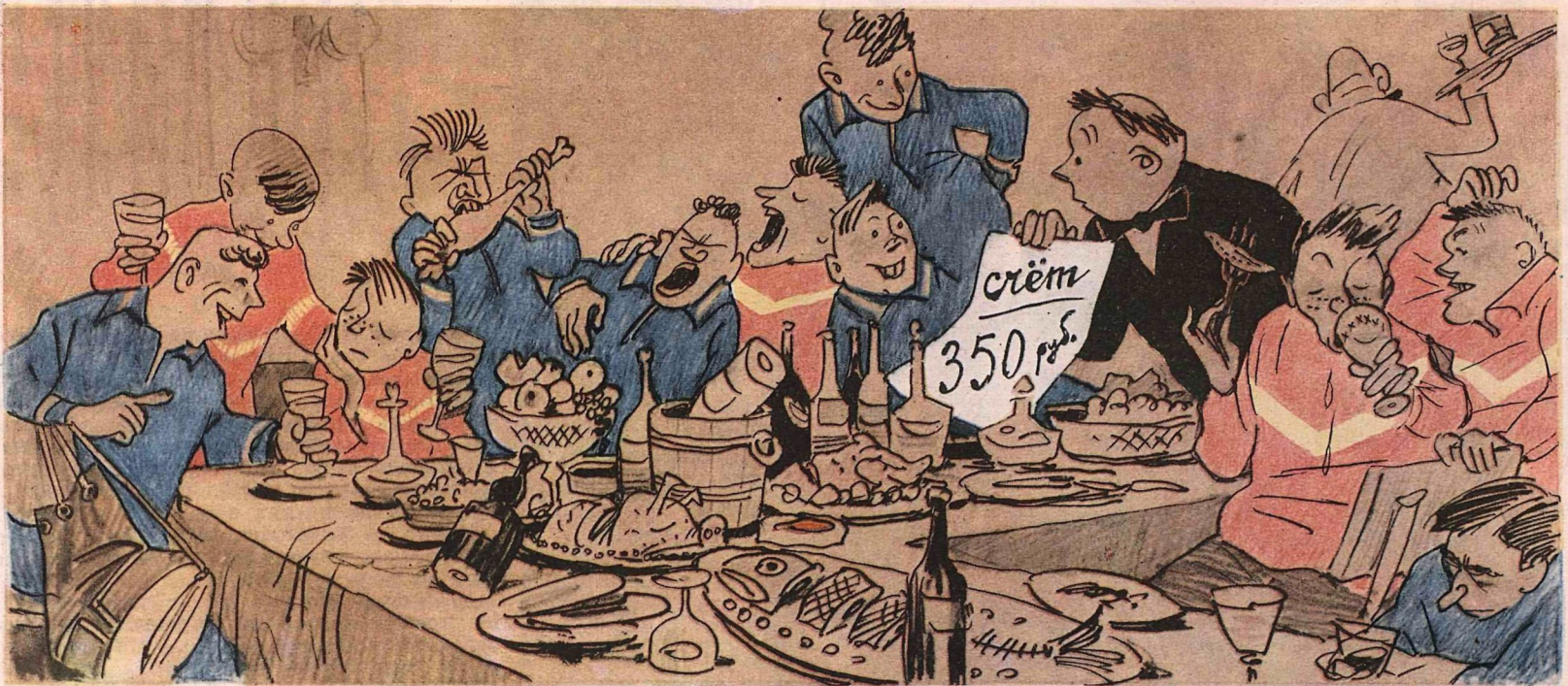
Зато в другом месте «Тишина» в это время шла. Сразу в двух сериях. Там-то, в кинотеатре «Россия», и обнаружили пропавшие сотрудники книжной палаты и «Россельхозтехники».

Только за полтора месяца 46 столичных учреждений устроили массовые просмотры «Тишины» в рабочее время.

Сейчас в «России» идет «Гамлет». Но снова кое-где среди бела дня стоит жуткая тишина. Не шуршит бумага, не дрожат листы. Руководители месткомов поддались чарам принца датского.

Быть или не быть? Экскурсиям. Во время работы.

Этот вопрос не звучит для них проблематично. Конечно, быть!

Встреча закончилась крупным счетом.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

М. ЗАХАРОВ

РУКИ ЧЕШУТСЯ

РАССКАЗ

Недавно я заметил, что мои знакомые при одном моем появлении стремительно разбегаются. То же самое стало происходить и с соседями. Это обстоятельство сильно озадачило меня. Дело в том, что я всю жизнь стремился к тесному общению с людьми, последовательно и неумолимо вскрывая их недостатки и заблуждения. В последнее время я пошел еще дальше. У меня появилась немислимая зависть к тем, кто, обладая соответствующими полномочиями, контролирует важнейшие производственные и хозяйственные процессы, энергично вскрывает в них недостатки и упущения, смело критикует ответственных руководителей.

«Пора подключиться к этому движению!» — подумал я и почувствовал свойственный мне непреодолимый прилив сил: Весь день у меня чесались руки, и к вечеру я не выдержал. Заправив авторучку чернилами и захватив толстый блокнот в колени, я решительно отправился в городской оперный театр вскрывать недостатки.

В этот день мне сопутствовал успех, и я довольно быстро сумел взять в руки местное театральное начальство.

Постучавшись в окошечко к главному администратору, я тихо издал несколько нечленораздельных звуков, сделал каменное лицо и оставил вместо глаз узкие щелочки.

— Да-да, конечно... Добро пожаловать! — сказал главный администратор и вручил мне пропуск.

Не спеша раздевшись в директорском кабинете, я критически засопел и принялся выражать недовольство.

Уже первые мои замечания по поводу торговли мороженым в театральном фойе были встречены творческой общественностью трепетно и осторожно.

Это меня ободрило.

— Необходимо, — сказал я сквозь зубы, — в кратчайшие сроки расширить ассортимент за счет внедрения крем-брюле... В противном случае буду вынужден взяться, что называется, за перо!

— Сделаем все! — заверили меня озабоченный директор и бледный главреж. — Внедрим и крем, и брюле, и филе — вы только никуда не пишете про нас! А уж мы все силы приложим.

— Прилагайте! — посоветовал я. — И квасом хорошо бы торговать заодно. Места у вас много. Ишь, какой зал!.. Поставьте посреди фойе цистерну и торгуйте на здоровье!

— С завтрашнего дня начнем!.. Как это верно подмечено! — сказал бледный главреж. — И ведь мы тоже думали: чего-то у нас в театре не хватает, а чего, не могли додуматься.

— А почему спектакль не начинают до сих пор? — недовольно заметил я.

— Время еще не вышло, — пояснил директор и испуганно посмотрел на главрежа.

— А что с того? — удивился я. — Если все в сборе?.. Зачем этот формализм?

При слове «формализм» главреж дернул головой, но виду не подал.

— И правда, — радостно заметил он как ни в чем не бывало, — начнем пораньше, без модернизма.

— Третий звонок! — закричал директор, бросаясь к билетершам.

Меня подхватили под руки и посадили в первом ряду рядом с дирижерским пультом.

— Начинать будете с увертюры? — спросил я, поздоровавшись за руку с дирижером.

— Хотелось бы... — неуверенно ответил дирижер, косясь на отчаянно жестикулирующего директора.

— Что ж, начинайте, — посоветовал я. — Увертюра, мне думается, сейчас прозвучит актуально. Нам нужны сейчас хорошие, свежие увертюры. Наш народ всегда относился к увертюрам с симпатией.

Дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл что есть силы. Внимательно прослушав несколько тактов, я приподнялся со своего места и перегнулся через барьер.

— Мне думается, скрипки сейчас на верном пути, — ободрил я смущенного дирижера. — И барабан, чувствуется, в норме. Тромбон покамест не удовлетворяет. Звучком не радует. Потребности духовные, сами знаете, возросли — во! Запросы — во! А он все в одну дуду, как пономарь.

— Спасибо вам за критику! Очень своевременно! — поблагодарил меня дирижер. — Вы только не пишете про него... Одну минуточку, я только затакт дам...

— Затакты тоже попридержаться бы следовало, — сказал я на всякий случай. — Нечего затактами разбрасываться. Пора и им строгий учет ввести. Так, глядишь, дело пойдет — государство вообще без затактов останется...

— Будем беречь, — пообещал дирижер. — Вы только не пишете об этом.

Его тон мне резко не понравился.

— Нет уж, извините, но придется написать! — не выдержал я и, встав со своего места, демонстративно покинул зал.

Весь следующий день я потратил на энергичное приобретение средств производства. Мне удалось довольно быстро заготовить огромное количество писчей бумаги и создать в ванной комнате постоянный запас чернил.

Потянулись бессонные ночи и дни, полные напряженного труда. К концу первого месяца я исписал около центнера писчей бумаги и перешел на второй. Вероятно, я бы сумел исписать и третий, если бы не неожиданный визит. В одно прекрасное утро ко мне явилась компания незнакомых людей с туго набитыми мешками.

— Мы представители народного контроля! — отрекомендовался старший из них.

— Привет коллегам! — обрадовался я. — Обменяемся опытом! На чем специализируетесь, ребята?

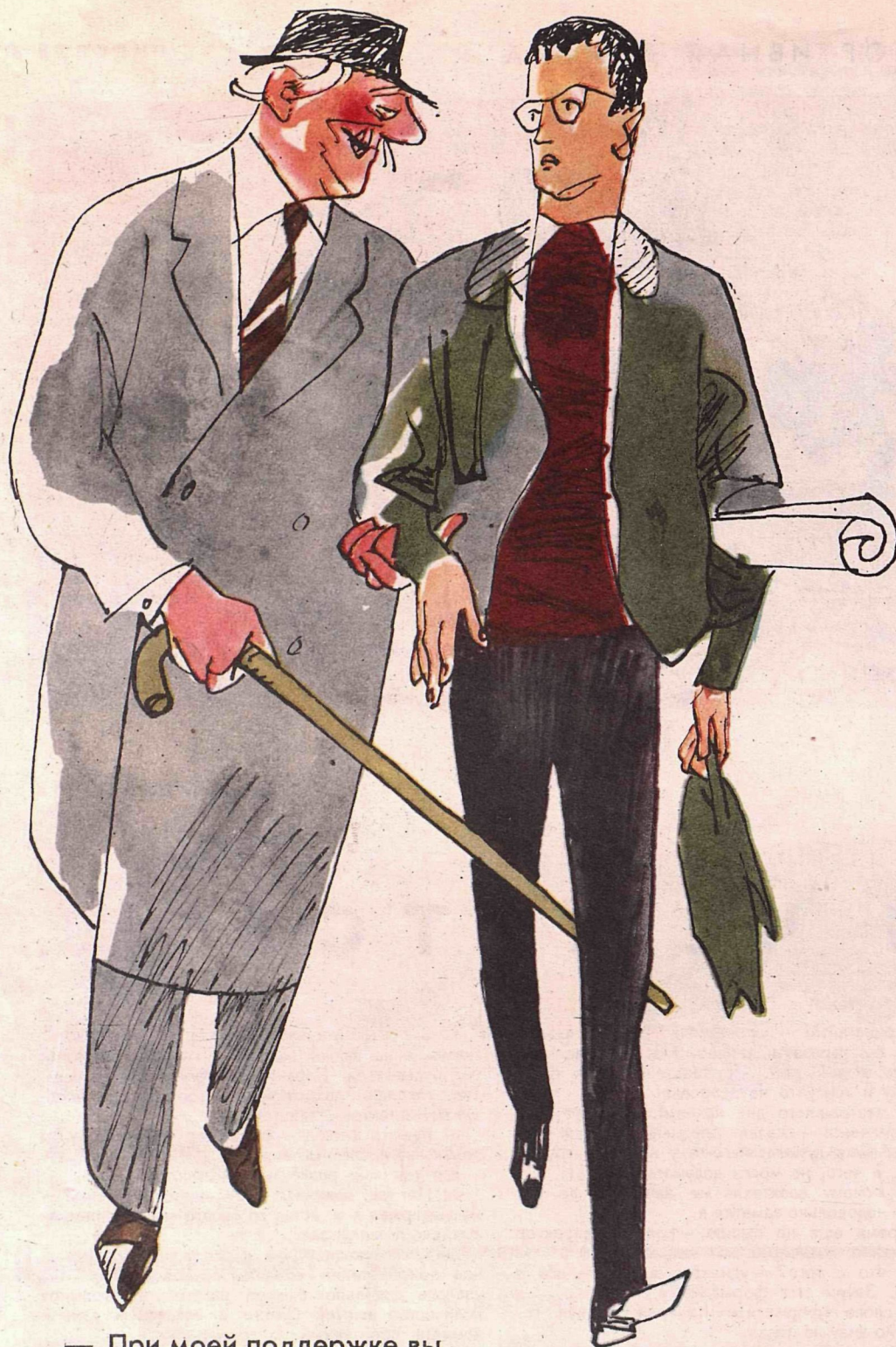
— На чтении бессмысленных жалоб и необоснованных претензий, — ответила мне элегантная старушка в пенсне.

— Не тем занялись! — строго сказал старший, сбросив с плеч мешок, туго набитый моими посланиями. — Специальная комиссия, собранная по просьбе общественности нашего района, ознакомилась с вашей деятельностью и решила: рекомендовать вам немедленно и безвозмездно сдать государству все запасы заготовленного «сырья» и уже готовой «продукции».

— Грабеж! — проворчал я, выкатив из ванной два опромных рулона типографской бумаги и бонок с чернилами.

Как это ни странно, но, оставшись без бумаги, я почувствовал редкостное облегчение, у меня пропал зуд и перестали чесаться руки. В конце концов я ощутил даже неизвестное мне доселе желание заняться нормальной физической работой.

Я ДОВИТАЯ

— При моей поддержке вы далеко пойдете, юный коллега!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

НА РОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ВАС ПРИГЛАШАЕМ... В КИНОТЕАТРЫ

«Октябрь» (двухзальный) —
(название фильма на фасадной
рекламе).

«Казахстан» — новый худо-
жественный фильм (название
по фасадной рекламе).

(Из газеты «Рудный Алтай».)

Прислал Е. ТОЗИКОВ.

г. Усть-Каменогорск.

СТРОГО-НАСТРОГО

«Лица, замеченные на терри-
тории ГЭС, кроме служебных
обязанностей, будут привле-
каться к административной от-
ветственности.

Администрация
Никольской ГЭС».

(Объявление из газеты
«Авангард».)

Прислал В. ШУЛЬГИН.

Вологодская область.

«У кинотеатра «Арс» открыл стрельбу из игрушечного пистолета гражданин
Андреев Анатолий Васильевич 1955 г. рожд. Проведена проф. беседа».

(Из журнала народной дружины.)

Копию сняли дружинники Ф. ЛУКНИЦКИЙ, С. МАЮФИС.

г. Ленинград.

Инженер В. Е. Осокин начал ходить по кабинетам Челябинского управления треста «Промсвязьмонтаж» с девяти утра.

— Я уже давно ее люблю, — говорил он с цыганским надрывом. — Только времени объясниться не было. А вчера решился. Сел и написал. Лично управляющему трестом. А копию — в комитет партгосконтроля. Пусть все знают, как я ее, правду, люблю!

И Виктор Ефимович торжественно раскрывал перед собеседниками тощую коричневую папку.

— Многим скоро не поздоровится, — зловец пророчествовал он, размахивая коряво отпечатанными страницами. — У меня здесь такие недостатки изложены — пальчики оближешь! Начальника управления теперь, конечно, под суд, главного инженера — вон, а другим — по строгому с занесением. Они меня еще попомнят!..

Тем временем «они» уже заседали.

— Вы вчера рапорт подали, — нервно говорил начальник управления тов. Самарский главному инженеру тов. Виткевичу. — Придется вам его взять обратно.

— Ни-ког-да! — отчеканил главный инженер. — Я принципиально настаиваю на увольнении Осокина. У него нет специального образования, по опыту работы он тоже не связист. Наконец, что самое главное, Осокин — просто ленивый, неорганизованный человек. Да спросите любого из наших прорабов!..

— Ах, при чем здесь прорабы! — страдальчески поморщился тов. Самарский. — И какое это теперь имеет значение? Обстановка изменилась, вот в чем дело. Еще вчера Осокин был обыкновенным плохим инженером. А сегодня он уже борец за справедливость.

— Но в нашем штатном расписании нет такой должности!

— Не расстраивайте меня! Я и так уже израсходовал недельный запас валидола. Возьмите свой рапорт, сожгите его, а пепел развейте по воздуху. И запомните: не надо преследовать Осокина за критику!

— Критику? — изумленно переспросил главный инженер. — Никогда не слышал, чтобы он кого-либо критиковал.

— Ничего, услышите! Ваш вчерашний рапорт разжег в нем разоблачительскую страсть. Скоро на нас обрушится девятый вал из представителей центра и контролеров-общественников.

Первым прибыл корреспондент «Челябинского рабочего». Он просмотрел груды бумаг, взял у Виктора Ефимовича интервью, выкурил пачку «Беломора» и, поругав какого-то Николая за отсутствие журналистского чутья, навсегда уехал на трамвае.

Потом пришли два суровых пенсионера. — Отпирательства бесполезны и усугубляют наказание, — в упор заявили они начальнику управления. — Нам все известно. Вы установили себе слишком высокую ставку. А такому бдительному инженеру, как В. Е. Осокин, платите почему-то всего 130 рублей!..

— Да, — грустно согласился начальник. — Но я лично в этом не виноват. Сложилась такая традиция — возможно, нелепая, — по которой начальник управления получает больше рядового инженера. Конечно, это раздражает Осокина, но я бессилен ему помочь. Размер ставок устанавливает трест в Москве. Вот документы.

Пенсионеры смущенно откланялись. Больше они управлением не интересовались.

АВТОРУЧКА

А потом на самолете «ТУ-104» прилетел представитель треста.

— Безобразия! — гремел он. — Погрязли в очковтирательстве! Один Осокин сохранил надлежащую принципиальность!

Но через два дня представитель заговорил по-другому:

— А ведь ваш Осокин-то — клязунник. Приписка, о которой он сигнализировал, на проверку оказалась просто ошибкой начальника участка. Кстати, ошибку заметил не Осокин, а сам начальник, о чем тут же сообщил в управление и в банк. Немедленно принимайте меры!..

— Да?

— Поверьте, я опытный ревизор.

— Тогда дайте справку: «Настоящим удостоверяю, что гр. Осокин В. Е. является клязунником, что подтверждается...»

— Не могу. Не имею права.

Ревизор отбыл в Москву, не подозревая, что вместе с ним в самолете летит жалоба Виктора Ефимовича на «преступно-халатное расследование сигналов трудящихся ревизором». Ревизору и невдомек было, что по этому поводу состоится неприятная беседа с руководителями треста и что весь следующий месяц уйдет на сбор доказательств об отсутствии «родственных», а равно приятельских связей с начальником Челябинского управления.

Конфузливость, с которой был отвергнут грозный рапорт главного инженера, раззадорила Виктора Ефимовича. Он понял, что в данной обстановке служебные льготы легче всего выбивать критическими ударами. А потому начал орудовать авторучкой, как дубиной, круша репутацию и добрую честь сослуживцев.

Временами из глубин учреждения вырывался стихийный протест.

— Доколе терпеть! — воскликнула однажды начальник отдела тов. Шалыгина. — Нам нечего бояться Осокина!

Но вскоре тов. Шалыгиной пришлось пожалеть о своей смелости. Ее вызвали в постройком и на основании сигнала В. Е. Осокина обвинили в злодейской подделке бюллетеней для тайного голосования по выборам в местком управления.

Больше никто задевать критикана не решался.

И началось у Виктора Ефимовича головокружение от успехов. На одном из общих собраний он перегнул свою критическую палку. Он назвал начальника жуликом и казнокрадом, отказавшись подкрепить это какими-либо доказательствами.

Собравшиеся притихли. Они поняли, что этого уже прощать нельзя. Просто невозможно!

— Хватит, поиздевались над нами!.. — вскричал разгневанный начальник управления. — Я тридцать два года работаю!..

И тут начальник почему-то снова запнулся. Вероятно, он вспомнил о расшатанной нервной системе и об отсутствии справки, удостоверяющей, что Осокин клязунник.

Вспомнил и вяло добавил:

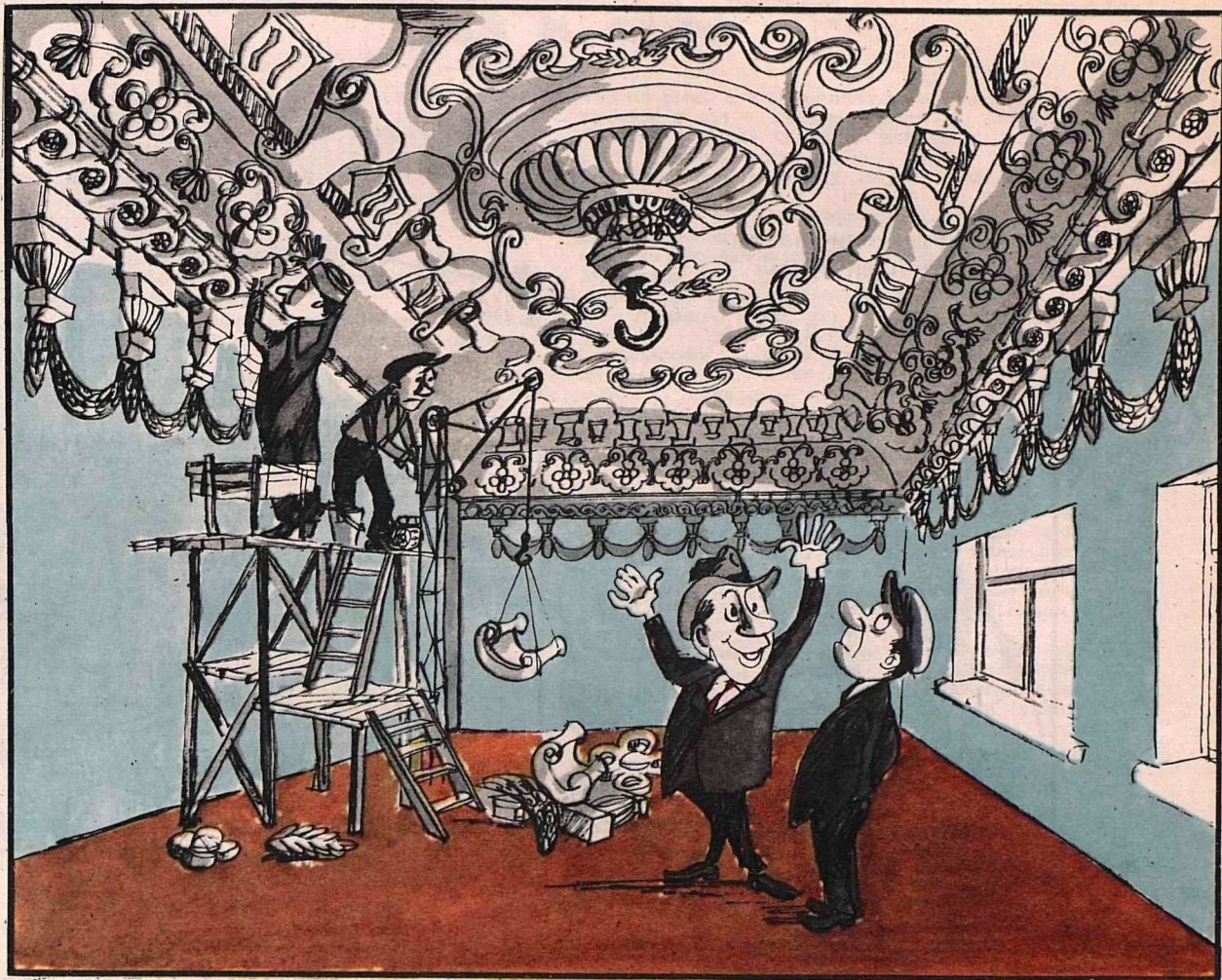
— Прикажу создать комиссию. Пусть она установит, что я не жулик.

А в зале зябко ерзали служащие. Они предчувствовали новую вспышку активности мстительного Осокина...

В. НАДЕИН,

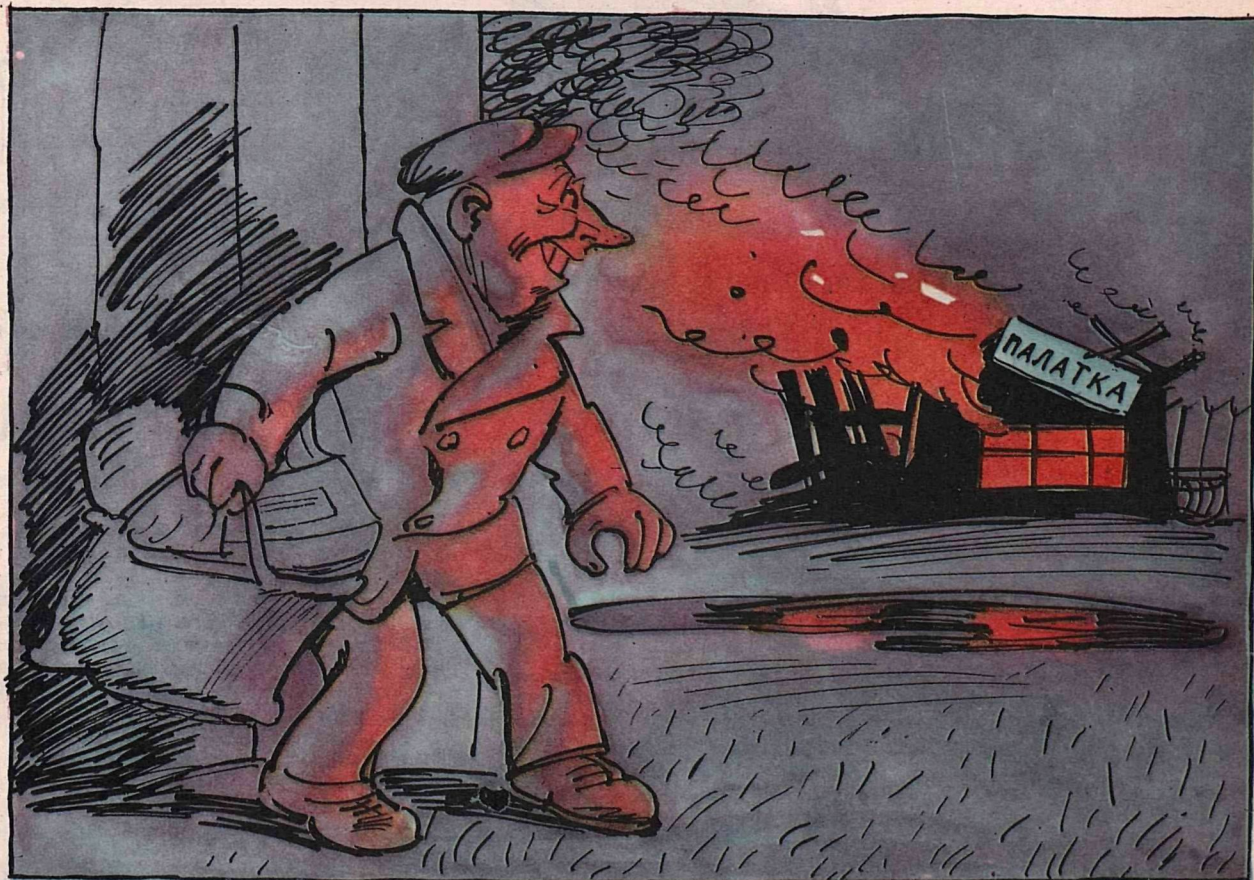
специальный корреспондент Крокодила

г. Челябинск.

— В смысле затрат это для нас еще не потолок!

Рисунок Б. САВКОВА

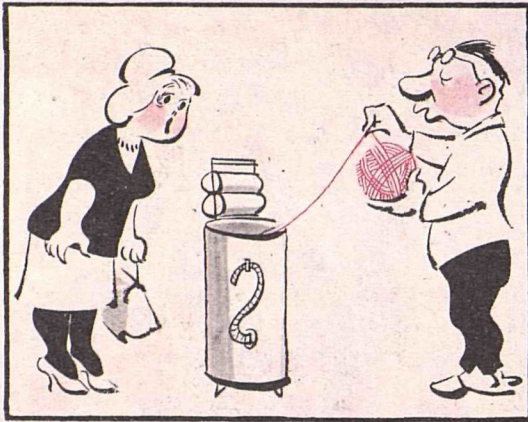
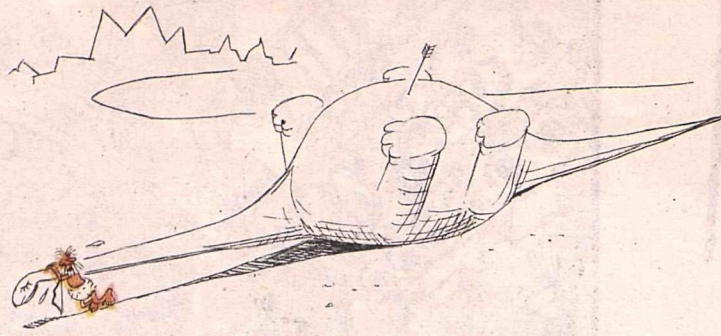

— Ну вот я и погасил задолженность!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— В следующий раз надо будет в плен брать!

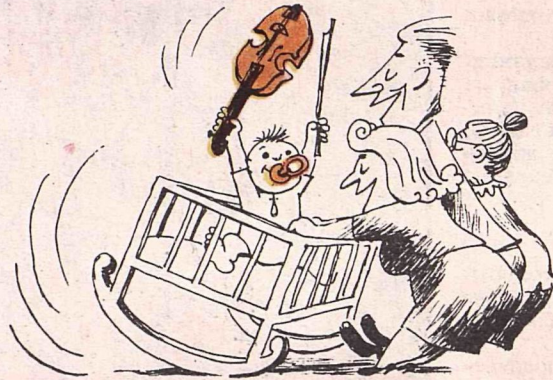
Рисунок
С. АЛЕКСАНДРОВА

— Понимаешь, заложил я туда твой вязаный костюм...

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

ВУНДЕРКИНД

— Bravo! Качать его!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Чтобы надолго испортить человеку настроение, не обязательно обливать его помоями с головы до пят.

Достаточно самой малой малости — всего одной маковой росинки, Той самой, которую на обычных весах не взвесишь, невостребованным глазом не сразу заметишь.

Еще вчера Александр Иванович Максименко, рабочий Сочинского завода железобетонных изделий, был человек как человек. Норму перевыполнял. Вел себя вполне пристойно.

И вдруг приходит он как-то за получкой, а в получке тринадцать рублей восьмидесяти копеек не хватает.

— За что про что мне такая кара? — запинаясь, произнес Александр Максименко.

В бухгалтерии усмехнулись.

— Ну и артист! Еще овечкой прикидывается... Ночку бурную провел в медвытрезвителе? Вот с тебя за всестороннее, так сказать, обслуживание и причитается восемь рублей восьмидесяти копеек. Точно по таксе. А и тому же ты еще, должно быть, отличился и в смысле нарушения общественного порядка. С тебя и удержали в виде штрафа пять рублей. Выходит, любишь кататься, люби и саночки возить.

— Да не было со мной всего этого! — взмолился Максименко.

— Наше дело маленькое. Мы получили исполнительный лист. Иди в суд и объясняйся...

Как же все это произошло? Да очень просто: в вытрезвитель попал какой-то гражданин. Не предъявив никаких документов, назвал себя Максименко, проживающим по Рабочему переулку, 35, квартира 2.

Товарищам, действующим на вытрезвительной ниве, взяты бы да проверить сведения, сообщенные мифическим Максименко, прежде чем пересылать их в суд. Но не сделали этого...

Судебный исполнитель Коновалов самодично убедился в том, что по Рабочему переулку нет никакого Максименко. Нет его там, решил он, не беда, зато есть какой-то Максименко на улице Чехова. Тем более инициалы сходятся. И оформил исполнительный лист. А что годы рождения не совпадают — чепуха!

Исполнительный лист попал на завод. Старший бухгалтер Миловидова не обратила внимания на то, что в исполнительном листе не тот адрес, не тот год рождения Максименко, и, не задумываясь, вычла с невинно пострадавшего 13 руб. 80 коп.

Всем им: и дежурному вытрезвителю В. И. Пацаю, и судебному исполнителю М. Ф. Коновалову, и бухгалтеру М. Г. Миловидовой — в их усердном отношении к служебному долгу не хватало самой малой малости — всего одной маковой росинки добросовестности.

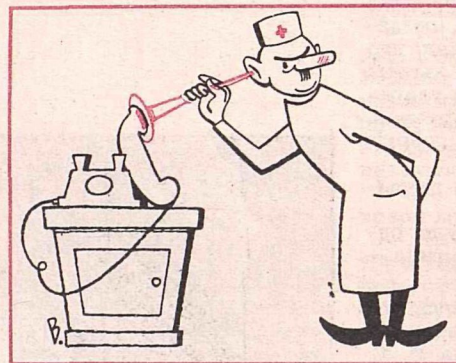
После вмешательства прокуратуры Александру Ивановичу совсем недавно, спустя несколько месяцев, вернули наконец восемь рублей восьмидесяти копеек за вытрезвитель. А вот что касается пяти рублей штрафа за непристойное поведение — с ними дело обстоит сложнее. Вместо того чтобы извиниться перед А. И. Максименко за причиненное беспокойство и вернуть ему деньги, его заставляют еще писать в административную комиссию, наложившую штраф, какое-то заявление, хлопотать, чтобы вернули деньги... Таков, видите ли, порядок.

Вот какова она, маковая росинка! Та самая, которую на обычных весах не взвесишь...

— И заряды кончились! И пес ногу повредил!

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Я вас слушаю.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ДУБ КАК ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ АССОРТИМЕНТ

Точно доказано, что на территории Воронежской области никакой Прикаспийской низменности в наличии не имеется. Нет здесь также ученых лесоводов и физиологов-растениеводов, которые наблюдали бы в вышеназванной низменности за ростом дуба черешчатого.

Вот почему Воронежский книготорг заказал всего один экземпляр книги, выпущенной Издательством Академии наук СССР, «Особенности роста дуба черешчатого в Прикаспийской низменности». А ему, книготоргу, ни с того ни с сего прислали в Воронеж шестьдесят экземпляров.

Руководители местного книготорга немедленно написали директору Центральной оптовой книжной базы: «Просим сообщить, куда вернуть ненужные пятьдесят девять экземпляров книги».

Ответ из Москвы пришел без всяких проволочек: «Просим оплатить счет полностью и принять меры к реализации книг».

Воронежцы снова ударили челом: мы, дескать, заказали всего один экземпляр книги для библи-

отеки лесотехнического института. Убедительно просим указать адрес, куда отгрузить остальные экземпляры. В другом месте они, возможно, найдут спрос, а здесь будут списаны в макулатуру

Увы, воронежцы никого не убедили и ничего не доказали. Тогда обратились, так сказать, к более современной технике — позвонили по телефону. Но и устно последовала команда:

— Примите меры к реализации! И никаких больше разговоров!

И, чтобы пресечь новые протесты, взыскали с Воронежского книготорга в судебном порядке стоимость всех шестидесяти экземпляров.

А на днях в Воронеж поступило еще девять экземпляров этой книги: будете, мол, знать, как возражать.

Сейчас воронежцы и пикнуть боятся: как бы с центральной базы не прислали им в наказание весь тираж этого почтенного труда!

г. Воронеж.

В. КОМОВ

Е. МИРОНОВ

УЛЫБНИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!

Все дрянное беззастенчиво и липко,
Вот пристанет — и попробуй оторви...
Подарить бы мне вам ясную улыбку,
Замечательную спутницу любви.

Чтобы утром, выходя еще из дому,
Вы зазря не омрачали ваших глаз,
Улыбались даже молниям и грому,
Даже ливню, атакующему вас.

Чтоб случайному попутчику, как другу,
(Вон он как спешит, укрытие ища!),
Улыбаясь, оказали бы услугу:
«Вот, пожалуйста, товарищ, полплаща!»

Чтобы прозному кондуктору трамвая,
Что ворчит на вас уже немало лет,
Говорили вы, улыбки не скрывая:
«Оторвите-ка на счастье мне билет!»

Чтоб коллегу своего за неудачи
Не пинали вы презрительно ногой,
А сказали бы с улыбкой — не иначе:
«Ты чего-то не додумал, дорогой!»

От улыбки исправляются ошибки,
От улыбки потеплеет и металл...
Подарить бы мне вам добрые улыбки —
Я б от этого и сам добрее стал!

Это был страшный рейс. В поезде все вагоны были как вагоны. И только один, за номером 136087, вел себя странно. На станциях во время остановок поезда стрелочники и диспетчеры пугливо шарахались от этого вагона.

И было от чего. Из вагона раздавались выстрелы.

Бах-бах! И снова: Бахх-бахх!

А потом слышался испуганный голос:

— Опять! О боже, когда это кончится! Остатся бы живому!

А поезд шел. Шел он из солнечной Армении в не менее солнечный Узбекистан, в прекрасную Фергану. И все время пути из вагона слышались выстрелы, а потом дрожащий человеческий голос молил о спасении жизни.

Потом голос перестал молить. Он стал ругаться на разных языках.

Но вот поезд прибыл на конечную станцию. Дверь страшного вагона открылась, и вышел проводник Георгий Багдасарян. На нем не было лица.

Лица не было. Зато в вагоне было множество осколков, и весь пол был мокрый.

А потом пришли представители организации, которой предназначался груз, и составили акт. В нем говорилось, что из 29 376 бутылок минеральной воды «Арзни» в дороге под напором газа лопнуло 1 664 бутылки. Что явилось следствием плохой (слабой) укупорки бутылок на заводе минвод «Арзни».

Когда дело дошло до завода-отправителя, там срочно приняли меры. Вы думаете: стали лучше следить за укупоркой бутылок? Нет, реше-

ние не было столь тривиальным. Весь убыток от «боя в пути», пролитой воды и разбитых бутылок в сумме 332 рубля решили отнести на счет... Георгия Багдасаряна.

— Скажите, а почему он оказался виноватым?

— А как же! Он сопровождал груз, стало быть, отвечает за его целостность, — рассудительно ответил главный бухгалтер завода «Арзни» тов. Мкртумян.

— А как были погружены бутылки?

— Навалом! — говорит проводник Багдасарян.

«Навалом» — подтверждает составленный получателями груза акт.

— Гм... навалом, — говорит Мкртумян. — Но бутылки были пересыпаны стружками.

Если учесть, что вагон был загружен только наполовину, можно себе представить, как надежно могли стружки сдерживать раскатывающиеся бутылки. Что касается проводника, то, видимо, он должен был героически затыкать бутылки, из которых выскочили пробки, собственными пальцами. Но, к сожалению, у Багдасаряна не 1 664 пальца, а всего двадцать, если считать и ноги. Ну вот, за 20 бутылок, может быть, с него и следовало удержать. Это по самому строгому счету.

Остальное же, думается, нужно бы отнести на счет бракоделов: что затыкали бутылки по принципу «тяп-ляп», и тех, кто отправил за тридевять земель вагон, загруженный таким оригинальным образом.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

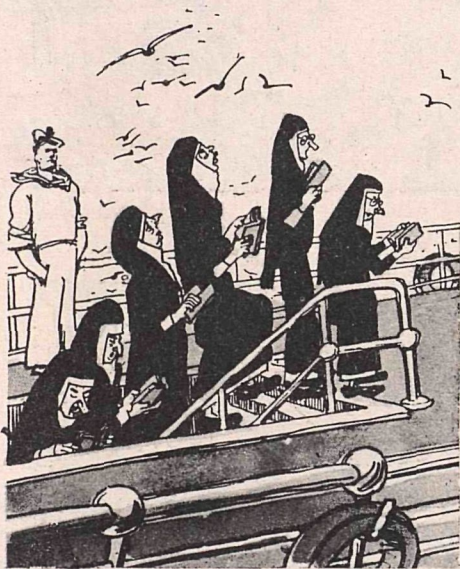
ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

КАРТИНКИ С ВЕСЕЛОЙ ВЫСТАВКИ

В Москве открылась веселая выставка. Посетители ходят по залам и хохочут. Даже самые мрачные улыбаются.

Несколько этих «комнат смеха»местили лучшее, что создал за сорок лет творчества Аминадав Моисеевич Каневский — сатирик и плакатист, лирик и юморист, любимый художник нашей детворы и закаленный боец «Кронодила».

Искусствоведы до сих пор не могут разгадать, в чем секрет зажигательной веселости, неостывающей бодрости, брызжущей юмором выдумки, которыми отмечены работы А. Каневского. Искусствоведы выдвигают по этому поводу различные гипотезы. Мы надеемся, что когда-нибудь их исследования увенчаются успехом. А пока что предлагаем вниманию читателя несколько рисунков маститого, но всегда молодого мастера, снятых наугад со стен выставочных залов.

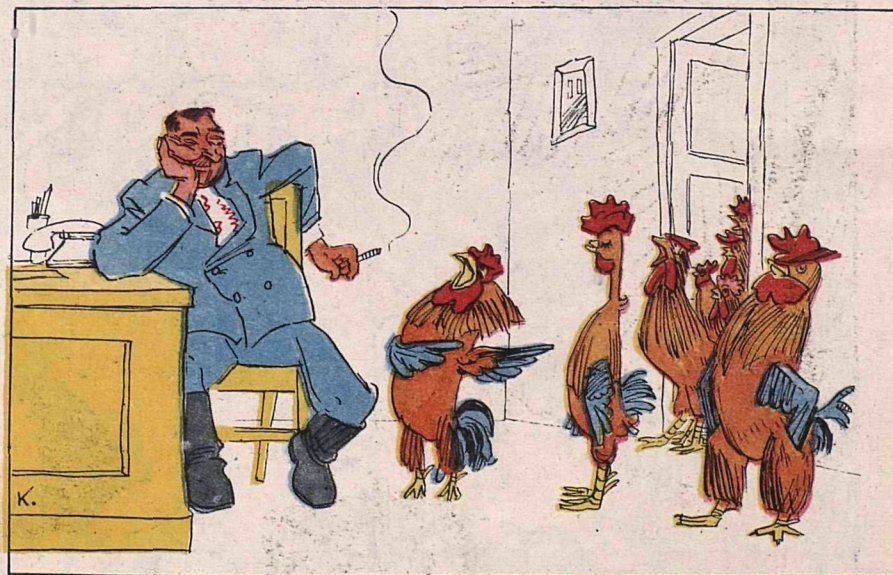
«Шесть монахинь»

Из иллюстраций к сатирическим стихотворениям В. В. Маяковского.

«Вы пляшите, что хотите...»
Из иллюстраций к произведению С. Я. Маршак
«Кошкин дом».

ПЕТУХ-СТИЛЯГА

— Что нам с ним делать? Все время вместо «кукареку» поет «Кукарачу»...

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, д. 14. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00407. Изд. № 795. Подписано к печати 29/V 1964 г.

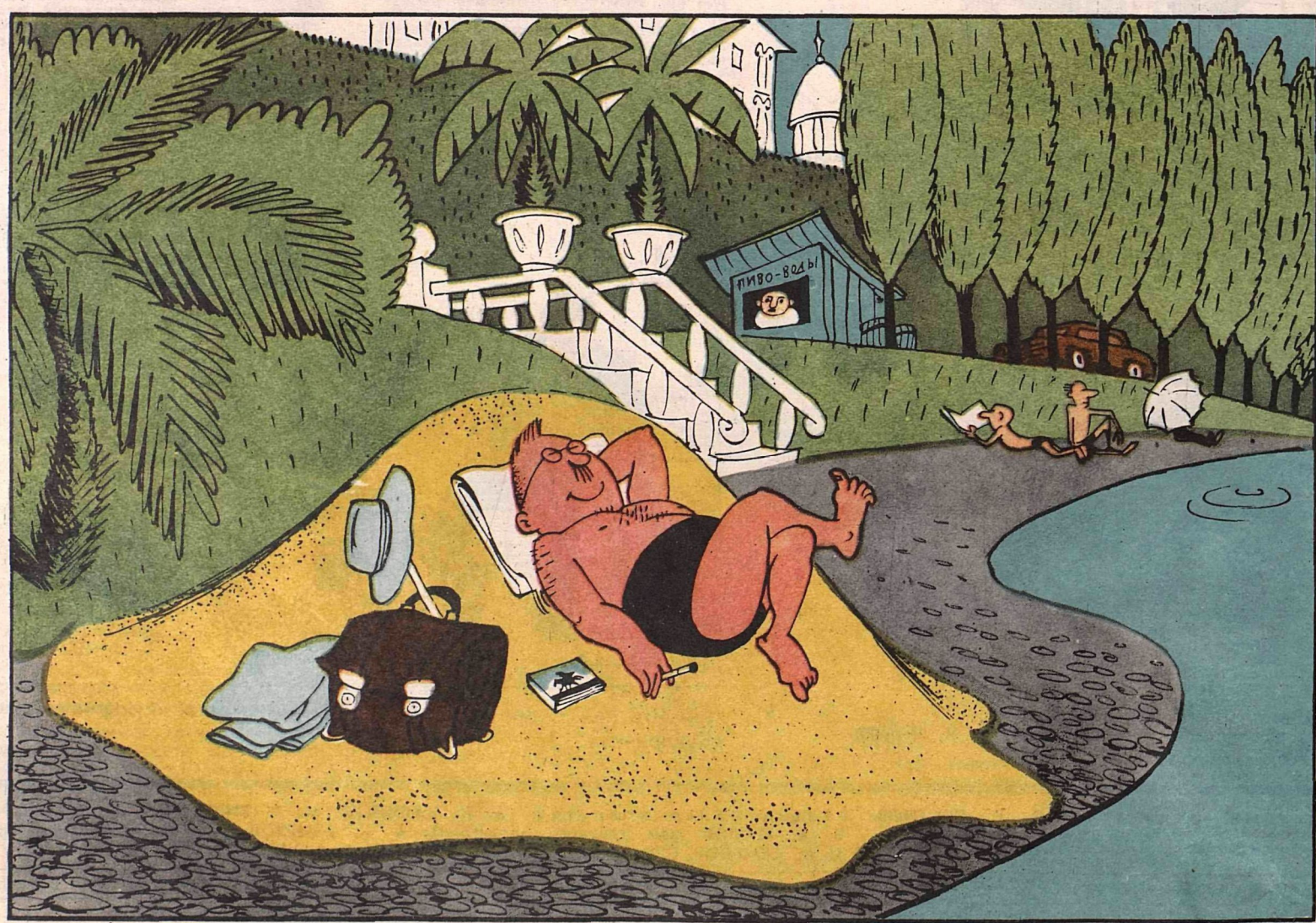
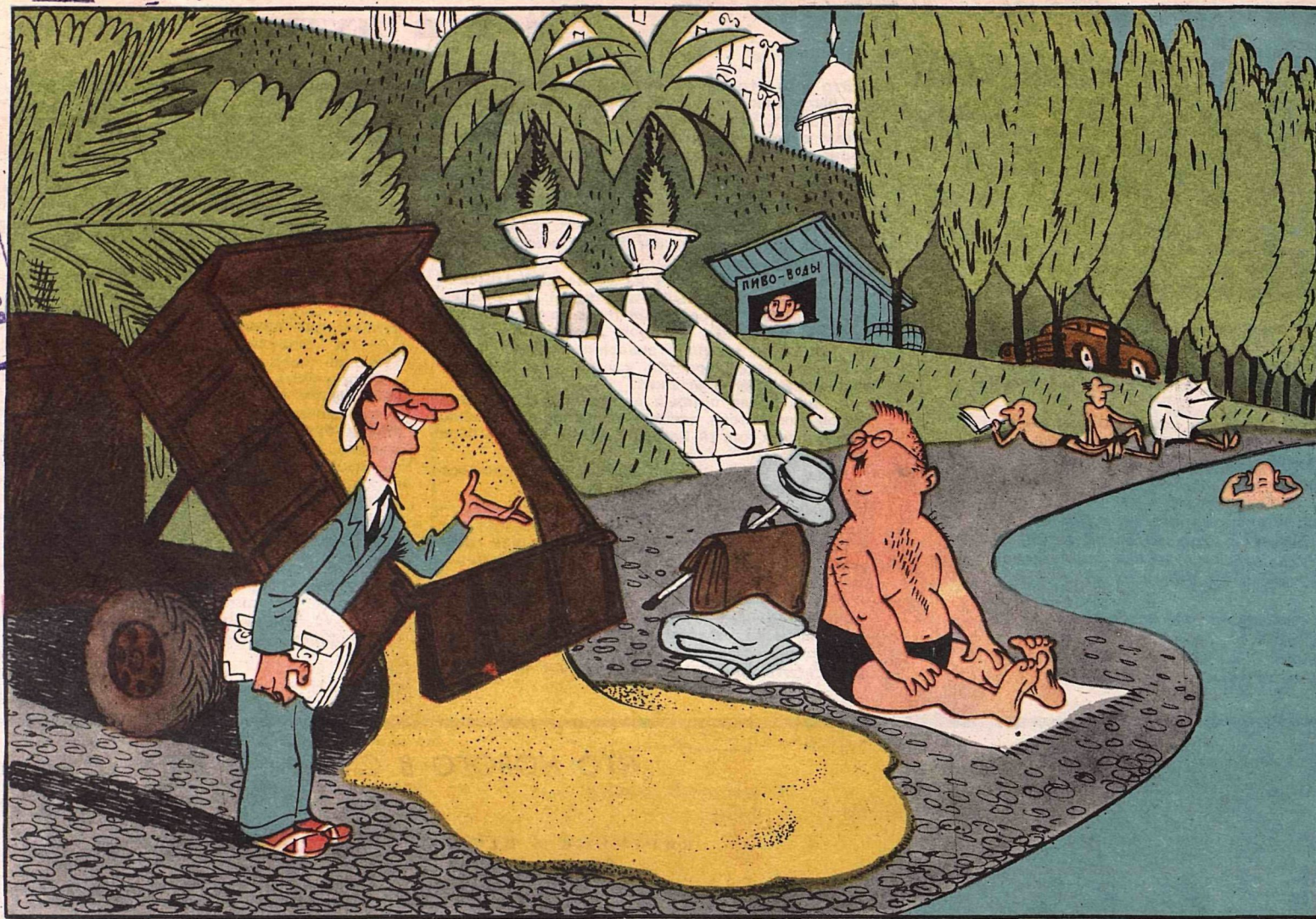
Формат бум. 70×108/16. Тираж 2 000 000 экз.

Заказ № 1526.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Всесоюзная
Книжная палата
Контроль. элемент.
1964 г.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.